
1

Украина:

фрагментированное
пространство

ГЛАВА 1

УКРАИНА: ФРАГМЕНТИРОВАННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Советский Союз называли страной, одна часть которой похожа на Финляндию, а другая — на Афганистан. Эта шутка, отражавшая экономическое, историческое и культурное разнообразие союзных республик СССР, служит своего рода ключом к сравнению 15-летнего опыта постсоветских трансформаций.

Конечно, не стоит слишком удивляться как тому, что Эстония, Латвия, Литва сегодня входят в Европейский союз, так и тому, что в Узбекистане и Туркмении после распада СССР установились персоналистские авторитарные режимы. Но пути развития ряда других постсоветских государств не были столь очевидно прогнозируемыми: едва ли изначально можно было ожидать экономического бума в Казахстане или возникновения «последней диктатуры Европы» в Беларуси. И все же наибольшие сюрпризы в постсоветской политике, пожалуй, преподнесла Украина. Как минимум два украинских события стали «точками отсчета» в постсоветской истории.

Во-первых, в декабре 1991 г. Украина, вторая по численности населения и экономическому потенциалу союзная республика, выступавшая одной из опор Советского Союза, нанесла последний удар по его существованию. Распад СССР к тому моменту был уже неотвратим, но именно референдум о независимости Украины стал последним гвоздем в крышку гроба Советского Союза.

Во-вторых, 13 лет спустя, в ноябре-декабре 2004 г. массовый протест против манипуляций на президентских выборах вынудил украинские власти отменить их итоги и провести новое голосование, которое привело к власти кандидата оппозиции Виктора Ющенко. Эти события, получившие название «оранжевая революция», стали серьезным вызовом всем недемократическим режимам, сложившимся на постсоветском пространстве. Во всяком случае, впечатление об устойчивости этих режимов оказалось обманчивым, а шанс их демократизации, о которой после распада СССР уже успели забыть, вновь оказался вполне реальным для постсоветских стран (хотя, как показывает тот же украинский опыт, научиться реализовать этот шанс — дело очень нелегкое).

Почему именно Украина — республика, воспринимавшаяся наблюдателями сначала как консервативный оплот СССР, а затем как государство «управляемой демократии», во многом следовавшее в том же русле политического развития, что и Россия, продемонстрировала подобные тенденции? Что обусловило эти процессы, как они отразились на политических процессах в Украине и каковы возможные перспективы украинской политики? Поискам ответов на эти вопросы и посвящена эта глава. В ее начале предложены объяснительная схема постсоветского политического развития Украины и анализ основных факторов, ответственных за его динамику. Затем на основе этой схемы представлена авторская интерпретация политических процессов в Украине. В заключение речь идет как о вариантах дальнейшей политической трансформации Украины, так и об уроках украинской политики для других постсоветских (и не только) государств, переживающих процесс смены режимов.

1.1. «Плюрализм по умолчанию»

Эксперты, анализировавшие политические процессы в Украине после распада СССР и вплоть до «оранжевой революции», были склонны относить эту страну к категории «гибридных режимов», в которую попадают все те страны, которые не являются ни диктатурами, ни полноценными демократиями.¹ Так, авторитетные ежегодные обзоры международной организации *Freedom House*² ставили

---

¹ *Diamond L.* Thinking about Hybrid Regimes // *Journal of Democracy.* 2002. Vol. 13. N 2. P. 21–36.

² [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.freedomhouse.org>.

Украину (как до 2004 г. и Россию) в группу «частично свободных» стран, не демонстрировавших ни существенного прогресса, ни упадка в отношении политических прав и гражданских свобод. Но такая характеристика не позволяет дать ответа на вопрос о том, почему одни гибридные режимы, подобно российскому, деградируют в направлении авторитаризации, а Украина, напротив, пережила крах гибридного режима в ходе «оранжевой революции».

Проблема заключается в том, что гибридные режимы различаются не только в сравнении с демократиями и диктатурами, но и между собой. В этой связи полезным является различие между моделями «доминирующей власти» и «бесформенного плюрализма», которое предложил Томас Карозерс из фонда Карнеги за международный мир.³

В первом случае ключевым элементом политического режима является наличие доминирующего актора — популярного лидера, правящей партии, клана или клики, которые оказываются способны к самостоятельному достижению всех своих целей без устойчивой кооперации с другими акторами — лидерами, партиями или кланами. В рамках таких режимов политическая конкуренция ограничена за счет прямого или косвенного подавления правящей группой политических альтернатив, либо за счет кооптации потенциальных конкурентов в правящую группу на правах младших партнеров. Хотя эти режимы иногда терпят существование отдельных демократических институтов (таких, как многопартийность или независимые СМИ), рамки их влияния очерчены «гетто», в рамках которых эти демократические институты не могут бросить вызов господству правящей группы, интересы которой обслуживаются с помощью основных активов государства.

Примеры такого рода распространены во многих странах от Египта до Венесуэлы; режимы «доминирующей власти» сложились и во многих постсоветских государствах, таких как Беларусь, Азербайджан или Казахстан; к ним же относится и Россия, по крайней мере после 2000 г.

В отличие от этих стран Украине на протяжении всего постсоветского периода был присущ режим «бесформенного плюрализма». Такие политические режимы характеризуются высокой конкуренцией и чередованием у власти сменяющих друг друга политических группировок и/или их временных коалиций (порой причудливых по своему составу) на фоне неэффективности управления, слабости государства, низкого уровня массовой поддержки режима и оттого значительной политической нестабильности. Хотя основные демократи-

---

³ Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2. С. 42–65.

ческие институты в этих странах и существуют, они не укоренены, не легитимны и неэффективны, а потому могут легко быть отменены, изменены или извращены ради целей правящих группировок.

Примеры такого рода отмечаются на пространстве от Аргентины до Албании, но среди постсоветских стран режим «бесформенного плюрализма» сложился кроме Украины лишь в Молдове, хотя и российская политика периода 1993–1999 гг. отчасти вписывалась в эти рамки.

Становление «бесформенного плюрализма» в постсоветской Украине (как и в ряде других стран) отнюдь не было результатом сознательного выбора политиков. Скорее этот режим возник лишь в силу своеобразной конфигурации украинских элит, препятствовавшей «захвату» доминирующей позиции. Хотя уровень сменяемости элит по сравнению с советским периодом в 1990-е гг. был довольно невысоким,⁴ различные сегменты украинских элит оказались, с одной стороны, автономны по отношению друг к другу и к государству, а с другой — неспособны к устойчивой кооперации.

Такую элитную структуру принято называть фрагментированной.⁵ Основным же фактором, обусловившим фрагментацию элит и, как следствие, становление украинского «бесформенного плюрализма», стал регионализм, глубоко укорененный в политике, экономике, истории и культуре этой страны. Говоря об украинском регионализме, многие обычно имеют в виду исторически сложившееся противопоставление запада и востока Украины; на деле, однако, расхождения были более глубоки. Они касались не только идентичности и ценностных ориентаций населения украинских регионов, но и их политико-экономической структуры.

Различие истории и культуры западных регионов Правобережной Украины (9 областей с центром во Львове) и южных и восточных регионов страны (протянувшихся от Одессы через Днепропетровск до Харькова и Донецка, не говоря уже о Крыме) действительно весьма существенно. Века польского и австрийского господства на западе Украины не прошли бесследно. Не прошла бесследно и насильственная «советизация» этих регионов после раздела Польши в 1939 г. и после Второй мировой войны. Она продолжалась вплоть до конца 1950-х гг. и сопровождалась массовыми политическими репрессиями.

⁴ *Фесенко В.* Политическая элита Украины: противоречия формирования и развития // Полис. 1995. № 6. С. 87–94.

⁵ *Higley J., Bayulgen O., George J.* Political Elite Integration and Differentiation in Russia // *A. Steen, V. Gel'man* (eds.). *Elites and Democratic Development in Russia.* London and New York: Routledge, 2003. P. 15.

Неудивительно, что запад Украины служил очагом диссидентской активности в позднесоветский период, а во время перестройки именно здесь зародились украинские националистические движения. Сочетание культурных факторов, влиявших на массовую идентичность (распространение католицизма и преобладание украинского языка), и определенных политических предпочтений населения делало Запад Украины, вероятно, наиболее «антисоветским» регионом СССР, если не считать Прибалтики (характерно, что именно Львов наряду с Таллинном и Ригой служил натурой советского кинематографа для съемок обобщенного мира «Запада»).

Напротив, восток Украины был в известном смысле наиболее «советским» регионом СССР. Индустриализация, урбанизация и массовая миграция привели к формированию советской идентичности, лишенной любых этнических или религиозных оттенков и не имевшей отношения к Украине как таковой. Как известно, Крым оказался в составе Украины вообще случайно — в 1954 г. Никита Хрущев решил сделать подарок руководству республики, тем самым отметив 300-летие воссоединения Украины с Россией. Однако, если бы в советский период по каким-то причинам Харьковская, Днепропетровская или Донецкая области оказались переданы в состав РСФСР, едва ли в этих регионах кто-либо обратил бы внимание на такие изменения.

Неудивительно, что столь значительная разница идентичностей украинского запада и (по-прежнему) советского востока оказывала серьезное влияние на политические предпочтения населения. Спустя более десятилетия после распада Советского Союза именно разделение по линии запад–восток в наибольшей мере обуславливало различие массовых ориентаций в отношении поддержки или отторжения институтов демократии и рыночных реформ.⁶ Запад настойчиво поддерживал эти инновации, восток их столь же настойчиво отвергал.

Столь же последовательным было размежевание запада и востока на уровне массового электорального поведения на всех без исключения выборах и референдумах Украины начиная с 1990 г. Влияние географических детерминант на исход голосования преобладало по сравнению с любыми социальными и экономическими характеристиками избирателей,⁷ в то время как, например, в

⁶ См. *Shulman S. National Identity and Public Support for Political and Economic Reform in Ukraine // Slavic Review. 2005. Vol. 64. N 1. P. 59–87.*

⁷ *Задорожнюк Э., Фурман Д. Украинские регионы и украинская политика // Украина и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Фурмана. М.: Права человека, 1997. С. 88–129; Понарин Э. Политико-рациональные и культурно-исторические факторы ассимиляции // Политическая социология и современная российская политика / Под ред.*

России воздействие географии голосования носило ограниченный характер.⁸ Опираясь на эти факты, ряд наблюдателей вслед за Самуэлем Хантингтоном интерпретировали противоречия запада и востока Украины как часть «столкновения цивилизаций», предвещающая распад Украины на две части, обреченные на поглощение соответственно Европой и Россией.⁹ Такие аналитические построения вовсе не были абстрактными: они, в частности, лежали в основе стратегии российских политических консультантов, пытавшихся в 2004 г. противодействовать «оранжевой революции». Тем важнее понять, почему эти подходы не оправдали себя.

Прежде всего представления о западе и востоке Украины как о монолитных блоках не находили подтверждения даже на уровне массового поведения. Внимательные аналитики выделяли в Украине как минимум четыре территориальные зоны — запад, центр (регионы на Подоле, находившиеся под влиянием Киева), юг (включавший регионы от Днепропетровска до Одессы) и собственно восток как таковой (Донецкая и Луганская области).¹⁰ В этой связи отмечалось, что восток и запад представляли собой политические «полюса» Украины, в то время как борьба на всех без исключения выборах шла по преимуществу за центр.

Но главное было скорее в ином: роль запада и востока в украинской политике не сводилась к территориальным размежеваниям. В ходе постсоветского государственного строительства ее следует анализировать в контексте центр-периферийных отношений.¹¹ В данном случае запад Украины (по преимуществу аграрный) вы-

---

Г. Голосова и Е. Мелешкиной. СПб.: Борей-принт, 2000. С. 295–307; *Birch S.* Elections and Democratization in Ukraine. Basingstoke: Macmillan, 2000; *Clem J. I., Craumer P. R.*, *Shades of Orange: The Electoral Geography of Ukraine's 2004 Presidential Elections* // *Eurasian Geography and Economics*. 2005. Vol. 46. N 5. P. 364–385; *Craumer P. R., Clem J. I.* Ukraine's Emerging Electoral Geography: A Regional Analysis of the 1998 Parliamentary Elections // *Post-Soviet Geography and Economics*. 1999. Vol. 40. N 1. P. 1–26; *Wilson A., Birch S.* Voting Stability, Political Gridlock: Ukraine's 1998 Parliamentary Elections // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. N 6. P. 1039–1068.

⁸ *Туровский П.* Региональные аспекты общероссийских выборов // Второй электоральный цикл в России, 1999–2000 гг. / Под ред. В. Гельмана, Г. Голосова, Е. Мелешкиной. М.: Весь мир, 2002. С. 186–214.

⁹ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: Изд-во АСТ, 2003. С. 389.

¹⁰ *Задрожнюк Э., Фурман Д.* Указ. соч.; *Финько А.* Выборы 2004 года: основные конфликты и их последствия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.analitik.org.ua/author/4242b8c9eaed6/pagedoc3432_4/ (текст опубликован 24 марта 2005, доступ 28 марта 2006).

¹¹ *Furman D.* «Centres» and «Peripheries»: The Political Systems of the Three East Slavic Republic // *Russian Politics and Law*. 1999. Vol. 37. N 2. P. 16–35.

ступал в качестве политического центра страны, зоны ее политических инноваций, которые с неизбежностью проникали туда из более модернизированной Европы. В то же время украинский восток, где был сосредоточен основной экономический потенциал страны, несмотря на весьма высокий уровень урбанизации и индустриализации, в рамках самой Украины (в особенности после распада СССР) оказался глубокой периферией, не способной генерировать и/или транслировать инновации.

Киев же, выступая в качестве административного центра страны, служил скорее той средой, в которой проходила трансляция инноваций, рождавшихся на западе. Так было и с идеей независимости Украины в 1991, и с «оранжевой революцией» в 2004 г.: как только инновации покоряли столицу, они оказывались «обреченными на успех». Если в России распространение политических инноваций в постсоветский период проходило иерархически (от мегаполисов через крупные центры к средним и малым городам), то в Украине «волны» реформ прокатывались по стране с запада на восток. Несовпадение политического, административного и экономического центров Украины, вызванное исторически сложившимся «наследием» (прежде всего советской эпохи), способствовало определенному равновесию между центром и периферией: ни та ни другая сторона не были способны навязать свою волю друг другу. По мнению Д. Фурмана, этот баланс сил отличал Украину от ее ближайших соседей — России и Беларуси.¹²

Помимо *территориальной фрагментации*, которая была вызвана культурно-историческими причинами, политическое пространство Украины оказалось также глубоко фрагментировано и в *политико-экономическом* плане. Регионы Украины, как и других республик СССР, в советский период представляли собой территориально-производственные комплексы, управляемые местными элитами по принципу либо *местничества* (горизонтально интегрированные локальные кланы), либо *ведомственности* (вертикально интегрированные филиалы отраслевых ведомств).¹³ Наличие в Киеве хотя бы относительно автономных от центра республиканских органов власти во многом поощряло (в отличие от России) проявление местничества, даже несмотря на существование крупных

¹² Furman D. Op. cit.

¹³ Rutland P. The Politics of Economic Stagnation in the Soviet Union: The Role of Local Party Organs in Economic Management. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; Gel'man V., Ryzhenkov S., Brie M. Making and Breaking Democratic Transitions: The Comparative Politics of Russia's Regions. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2003.

отраслевых промышленных комплексов на востоке страны (Харьковская, Донецкая, Днепропетровская области).¹⁴

Приток областных кадров в киевское руководство вел к усилению влияния региональных «кланов». Здесь преобладали выходцы из Харьковщины (первый секретарь ЦК КПУ времен Никиты Хрущева Николай Подгорный и сменивший его на этом посту Петр Шелест), Днепропетровщины (первый секретарь ЦК КПУ в 1972–1989 гг. Владимир Щербицкий), и отчасти Донбасса (председатель Совета министров Украины Александр Ляшко). Немаловажной в плане развития региональных «кланов» была и роль «днепропетровской» группы в окружении Леонида Брежнева (Николай Тихонов, Андрей Кириленко и др.).¹⁵

Местные элиты в Украине отличались весьма глубокой укорененностью. Межрегиональная ротация руководителей была невысокой, и в силу этого создававшиеся десятилетиями социальные сети местных элит оказались сплоченными и устойчивыми. Противоположный пример демонстрировала соседняя Беларусь, где уровень горизонтальной и вертикальной ротации местных элит в 1960–1980-е гг. был достаточно высок,¹⁶ а их социальные сети являлись разреженными. Именно это обстоятельство, помимо всего прочего, облегчило в постсоветский период прорыв аутсайдера-популиста Александра Лукашенко на политическую сцену Беларуси. Напротив, плотные сети украинских элит позволили предотвратить появление таких лидеров в Украине.

После распада СССР тенденции местничества в Украине окончательно возобладали над ведомственностью. Бывшие союзные ведомства прекратили свое существование, а общенациональные вертикально интегрированные финансово-хозяйственные группы, подобные российским «Газпрому» или «Лукойлу»,¹⁷ в стране сложиться попросту не смогли. По сути, региональные хозяйственные комплексы Украины оказались разрозненными обломками советской экономической империи. В отсутствие таких ресурсов, как нефть и газ, механизмы консолидации собственности и власти в руках одной или нескольких групп на уровне страны в целом со-

¹⁴ *Ливен А.* Русскоязычные регионы Украины: троянский конь? // Украина и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Фурмана. М.: Права человека. 1997, С. 224–258; *Lieven A.* Ukraine & Russia: A Fraternal Rivalry. Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 1999.

¹⁵ *Финько А.* Указ. соч.

¹⁶ *Urban M.* An Algebra of Soviet Power: Elite Circulation in the Belorussian Republic 1966 to 1986. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

¹⁷ *Пантэ Я.* Олигархи: экономическая хроника 1992–2000. М.: ГУ-ВШЭ. 2000.

здать не удалось. Из-за этого масштаб деятельности украинских олигархов оказался куда меньшим, чем у их российских коллег. Он оказался вынужденно ограниченным уровнем регионов, что повлекло за собой появление нескольких регионально-отраслевых финансово-промышленных кланов, конкурирующих между собой и тесно сращенных с местной властью (киевской, донецкой, днепропетровской и некоторых других группировок).¹⁸

Такие же тенденции формирования «закрытых рынков» под патронажем местных элит были присущи в 1990-е гг. и российским регионам,¹⁹ но масштаб этих явлений в Украине был совершенно иным. Прежде всего надо отметить, что удельный вес крупных регионов в общенациональной экономике Украины был куда выше, чем в экономике России. Кроме того, российские региональные элиты не могли претендовать на первые роли в общенациональной политике. Единственное исключение — неудачный опыт создания межрегиональной коалиции «Отечество — Вся Россия» на думских выборах 1999 г.²⁰ В то же время украинские региональные кланы, соперничавшие за власть и собственность, активно участвовали в политической борьбе на уровне страны в целом, создавая и/или спонсируя политические структуры, включая партии и СМИ.

Наконец, следует отметить, что хотя региональные кланы в Украине (как, впрочем, и в России)²¹ были не способны к устойчивой кооперации, возможности Киева по отношению к регионам оказались куда более ограниченными, чем у Москвы. Российский центр в 1990-е гг. смягчал угрозы регионального сепаратизма благодаря предоставлению нелояльным регионам бюджетных трансфертов и иных специальных привилегий через механизмы двусторонних договоров.²² Украинское правительство такими инструментами не располагало, несмотря на то что региональные главы администраций назначались из Киева. Частые смены глав регионов

¹⁸ Аксенов А., Гужва И. Дети газа и стали // Эксперт. 2004. № 38. С. 56–66.

¹⁹ Зубаревич Н. Пришел, увидел, победил? Крупный бизнес и региональная власть // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 1. С. 107–120.

²⁰ Лихтенштейн А. «Партии власти»: электоральные стратегии российских элит // Второй электоральный цикл в России, 1999–2000 гг. / Под ред. В. Гельмана, Г. Голосова, Е. Мелешкиной. М.: Весь мир, 2002. С. 85–106.

²¹ Gel'man V. Why It is so Difficult to Form a Regional Coalition // Russian Regional Report. 1999. Vol. 4. N 16. 29 April.

²² Буланин Н., Щербак А. Трансферты против сепаратизма: опыт Дании и России // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 11. С. 78–85; Treisman D. After the Deluge: Regional Crises and Political Consolidation in Russia. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1999.

были обусловлены прежде всего электоральными соображениями: успешность губернаторов в глазах Киева зависела лишь от их способности добиться желательного результата голосования на вверенной территории.²³

Утешением для Киева могло служить то, что в отличие от Москвы ему не пришлось сталкиваться с неразрешимыми этническими проблемами в регионах. Поэтому большое влияние региональных политико-экономических кланов в украинской политике было бы уместно сравнивать не с тем, что мы видим в России, а с ситуациями в таких постсоветских странах, как Казахстан или Кыргызстан.²⁴ Характерно, что в последнем случае это обстоятельство сыграло немалую роль в «революции тюльпанов».

Распад Советского Союза также внес свой вклад в процесс регионализации Украины. Как и другие постсоветские государства, Украина столкнулась с резким ослаблением своего административного потенциала. Правительство в Киеве не обладало, говоря словами Макса Вебера, «монополией на легитимное насилие». Оно не имело возможности самостоятельно обеспечивать сбор налогов и выполнение законов: силовые структуры не были способны к решению этих задач, а возможности применения репрессий по отношению к конкурентам оказались ограничены.

Ослабление государства препятствовало проведению сколь угодно целостного правительственного курса в экономической и социальной сферах.²⁵ В результате правительства постсоветских стран становились заложниками влиятельных экономических группировок, обладавших собственными ресурсами, в том числе и в сфере «силового предпринимательства».²⁶ Таким образом, происходил «захват государства»²⁷ этими группировками. Но если в России 1990-х гг. в роли таких группировок выступали связанные с Кремлем олигархи общенационального масштаба,²⁸ то в Украине

²³ Matsuzato K. All Kuchma's Men: The Reshuffling of Ukrainian Governors and the Presidential Election of 1999 // *Post-Soviet Geography and Economics*. 2001. Vol. 42. N 6. P. 416–439.

²⁴ Collins K. The Logic of Clan Politics: Evidence from the Central Asian Trajectories // *World Politics*. 2004. Vol. 56. N 2. P. 224–261.

²⁵ Wittkowsky A. Regional, Sectoral and State Actors in Ukraine: The Struggle against Hard Budget Constraints // K. Segbers (ed.). *Explaining Post-Soviet Patchworks*. Vol. 3: The Political Economy of Regions, Regimes, and Republics. Aldershot: Ashgate, 2001. P. 246–265.

²⁶ Волков В. Силовое предпринимательство. М.; СПб.: Летний сад, 2002.

²⁷ Hellmann J. Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Post-Communist Transition // *World Politics*. 1998. Vol. 50. N 2. P. 203–234.

²⁸ Freeland C. *Sale of the Century: The Inside Story of the Second Russian Revolution*. Boston: Little, Brown, 2000; Hoffman D. *Oligarchs: The Wealth and Power in the New Russia*. New York: Public Affairs Books, 2002.

«захват государства» на общенациональном уровне осуществлялся силами региональных кланов.

Поэтому, например, президент Леонид Кучма (как и его предшественник Леонид Кравчук) вынужден был балансировать между наиболее влиятельными конкурирующими кланами — донецким и днепропетровским, попеременно раздавая правительственные посты различным ставленникам то одной, то другой группировки. На уровне многих украинских регионов конкуренция была минимальна,²⁹ и все ключевые ресурсы находились в руках лидеров кланов, которые жестко контролировали политико-экономические процессы, монополизировав «закрытые рынки» в своих регионах.³⁰

Таким образом, в Украине имело место «наложение» двух неустраиваемых линий политического конфликта: культурно-исторического раскола вдоль линии запад–восток Украины (= центр–периферия) и политико-экономического размежевания между региональными кланами. При таких условиях в стране не мог возникнуть режим «доминирующей власти»: ни одна из сторон конфликта не имела шансов одержать победу над своими конкурентами по принципу «игры с нулевой суммой». Конфликт элит, опиравшихся на свои региональные ресурсные базы и на массовые клиентелы, в силу его неустраиваемого характера сам по себе поддерживал режим «бесформенного плюрализма»: по словам Лукана Вэя из Университета Торонто, в Украине имел место «плюрализм по умолчанию».³¹

Такой неустраиваемый характер конфликта снижал угрозу авторитарной деградации украинского политического режима. Хотя в Украине при Кучме, как и в России при Ельцине, имело место противостояние между президентом и парламентом, оно ни разу не приводило к применению силы, поскольку центр в лице исполнительной власти в Киеве был структурно куда более слабым, нежели

²⁹ *Matsumoto K.* Современная патримония и формирование официальных партий в Украине — Одесская, Закарпатская, Донецкая, Днепропетровская области // *Пространственные факторы в формировании партийных систем. Диалог американистов и постсоветологов* / Под ред. К. Матсумото. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2002. P. 61–100.

³⁰ См., например, о Донецкой области: *Регіони України. Хроніка та керівники* / Под ред. К. Матсумото. Т. 1. Донецька область. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 1999; *Zimmer K.* The Captured Regions: Actors and Institutions in the Ukrainian Donbass // *M. Tatur (ed.) The Making of Regions in Post-Socialist Europe — the Impact of Culture. Economic Structure and Institutions. Vol. II.* Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. P. 231–348.

³¹ *Way L.* Pluralism by Default: Challenges of Authoritarian State-Building in Belarus, Moldova, and Ukraine. Glasgow: University of Strathclyde, Center for the Study of Public Policy Working Paper, 2002. N 375.

Кремль. Так, инициированный Кучмой референдум по вопросу о сокращении полномочий парламента не имел юридических (да и политических) последствий. Его спор с Верховной радой вокруг принятия новой Конституции страны завершился вынужденным компромиссом, в ходе которого украинский парламент отвоевал для себя значительно больше полномочий, чем, например, российская Государственная дума (в частности, не допустив возможности своего роспуска президентом и закрепив за собой право отправлять в отставку правительство).

Собственно, именно попытка разрешить конфликт элит односторонне, когда премьер-министр Украины Виктор Янукович был провозглашен победителем президентских выборов, и спровоцировала «оранжевую революцию» 2004 г. Но плата за неустранимый конфликт оказалась весьма высока: Украина на протяжении постсоветского периода демонстрировала высокую неопределенность политического режима, низкую эффективность и неустойчивость основных политических институтов. Эти тенденции не преодолены и по сей день.

Вхождение политического режима Украины в неопределенность — состояние, когда неясны и непредсказуемы как состав, ресурсы и стратегии политических игроков, так и «правила игры», — стало «побочным продуктом» распада Советского Союза. Неопределенность усугубилась после поражения первого президента Украины Кравчука на президентских выборах летом 1994 г. В период правления Кучмы (1994–2004 гг.) для Украины были характерны неоднократные изменения конституции и избирательной системы страны, перманентная нестабильность правительственных кабинетов, средний срок деятельности которых не превышал года, низкий уровень популярности главы государства, дефицит доверия граждан к государственным институтам, а также неустойчивость в отношениях Центра и регионов.³² Многие проблемы остались нерешенными и после избрания Виктора Ющенко президентом страны.

Самым явным свидетельством политической фрагментации в Украине было состояние партийной системы страны. Несмотря на проведение трех циклов выборов в Верховную раду (1994, 1998, 2002 гг.), число партий оставалось очень большим, а конфигурация участников выборов постоянно менялась от одного голосования к другому.³³ При этом многие партии представляли собой скорее

³² Туровский Р. Сравнительный анализ тенденций регионального развития России и Украины // Полис. 1999. № 6. С. 49–61.

³³ Щербак А. Коалиционная политика и дефрагментация партийной системы: сравнительный анализ (на примерах Польши, России и Украины) // Общественные науки и современность. 2003. № 4. С. 47–62.

клиентелы региональных кланов, да и территория их влияния была также по преимуществу региональной, а не общенациональной (примерами могут служить находившаяся под контролем донецкого клана Партия регионов Украины или партия «Батькивщина» с базой в Днепропетровской области, возглавлявшаяся Юлией Тимошенко).

Помимо расколов на основе региональных кланов, а также по линии Восток–Запад, партийная система Украины, как и партийные системы других посткоммунистических стран,³⁴ была разделена размежеванием на левых и правых, на противников и сторонников рыночных реформ. Причем высокая фрагментация затронула и этот аспект украинской политики. В отличие от России, где левый фланг политического спектра оказался почти полностью монополизирован КПРФ — преемницей КПСС, выступавшей с националистических позиций, в Украине как раз националисты поддерживали правые и либеральные идеи, а левые в итоге оказались разделены на несколько партий. Преемницей КПСС выступала ортодоксальная Коммунистическая партия Украины (КПУ) во главе с Петром Симоненко, в то время как умеренное, социал-демократическое крыло левых было представлено Социалистической партией Украины (СПУ) во главе с Александром Морозом.³⁵ Наличие конкуренции и идеологических расхождений между этими партиями, а также присутствие ряда более мелких и более радикальных левых группировок³⁶ не позволяли создавать стабильные коалиции как на выборах, так и в Верховной раде.

Что же касается самой Верховной рады, то сформировать фракцию в ней имели право любые 14 депутатов, и неудивительно, что это повлекло за собой создание большого количества самых разных парламентских группировок с нечеткой идейной ориентацией, подчас готовых внезапно поменять свою позицию под влиянием конъюнктуры. В составе Верховной рады после 2002 г. насчитывалось 13 парламентских фракций, которые отличались сравнительно низким уровнем партийной дисциплины. В такой ситуации

³⁴ См., например: *Голосов Г.* Партийные системы России и стран Восточной Европы. М.: Весь мир, 1999.

³⁵ *Секачев А.* Социалистическая партия Украины и особенности украинской партийной системы // Украина и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Фурмана. М.: Права человека. 1997. С. 205–223; *Урбан Дж. Б.* Коммунистические партии России, Украины и Белоруссии (безуспешный поиск единства в разнообразии) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/Themes/Belarus/belarus-29.html> (доступ 28 марта 2006).

³⁶ *Толтыго А.* Украинский путь // Украина и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Фурмана. М.: Права человека, 1997. С. 164–165; *Wilson A.* Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven, CT: Yale University Press, 2005.

у президента и правительства страны было мало шансов добиться в парламенте устойчивой поддержки со стороны большинства депутатов. Поэтому многие решения в Верховной раде принимались посредством «торга» президента и правительства с многочисленными фракциями. Решения эти носили противоречивый и временный характер. Хотя с помощью подобных маневров удавалось снять остроту конфликтов, они не позволяли эффективно решать экономические и социальные проблемы Украины.

Попытки выхода из неопределенности, неоднократно предпринимавшиеся различными сегментами украинских элит в период президентства Кучмы, носили характер временных «пактов о ненападении», направленных на сохранение статус-кво. Такие соглашения элит, характерные для многих постсоветских стран, были призваны снизить уровень неопределенности за счет перераспределения ресурсов между их участниками. Каждая из элитных групп была достаточно сильна, чтобы не исчезнуть с политической сцены под давлением конкурентов, но при этом недостаточно сильна, чтобы уничтожить конкурентов.

В России после 2000 г. консолидация элит была обеспечена с помощью «навязанного консенсуса»,³⁷ т. е. принуждения со стороны доминирующего актора к принятию собственных «правил игры» всеми остальными сегментами элит. Те же тенденции отмечались и в странах Центральной Азии.³⁸ В Украине же в условиях «бесформенного плюрализма» (столь отличающегося от «доминирующей власти») такого рода сценарий был заведомо невозможен.

Кучма (не говоря уже о Кравчуке) был отнюдь не доминирующим актором, подобно Путину в России или Лукашенко в Беларуси, а скорее своего рода посредником между конкурирующими группировками. Неудивительно, что соглашения элит оказывались временными, неустойчивыми и неспособными предотвратить открытую политическую конкуренцию на общенациональном уровне. Свидетельством этого были не только результаты выборов или наличие свободы слова в СМИ, но и регулярно сотрясавшие страну публичные скандалы, подчас имевшие далеко идущие последствия. Достаточно вспомнить в этой связи коррупционное дело Ефима Звягильского — премьер-министра правительства времен Кравчука — эмигрировавшего в Израиль при Кучме (он был выходцем из

³⁷ *Gel'man V. Russia's Elites in Search of Consensus: What Kind of Consolidation? // A. Steen, V. Gel'man (eds.). Elites and Democratic Development in Russia. London and New York: Routledge, 2003. P. 29–50.*

³⁸ См., напр.: *Jones Luong P. Institutional Changes and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions, and Pacts. Cambridge: Cambridge University Press, 2002*

донецкого клана), а также арест в США другого бывшего премьер-министра страны Павла Лазаренко (представителя днепропетровского клана), и наконец, «дело Гонгадзе», когда Кучма был обвинен в причастности к убийству независимого журналиста.

Фрагментация элит и слабость государства, помимо прочего, открывали возможность свободы слова, а также других политических прав и гражданских свобод; именно поэтому в упомянутых рейтингах *Freedom House* Украина в начале 2000-х гг. оказалась на одну «ступеньку» выше России, не говоря уже о большинстве других постсоветских государств.

В отсутствие внешних стимулов к преобразованиям, неопределенность режима на фоне фрагментации украинских элит могла бы, вероятно, длиться довольно долго: в некоторых странах Латинской Америки режимы «бесформенного плюрализма» порой существуют десятилетиями, даже несмотря на масштабные экономические кризисы, и порой даже восстанавливаются после военных переворотов (как, например, в Аргентине). Но в Украине наглядно проявилась «ахиллесова пята» гибридных режимов, связанная с обеспечением преемственности власти.

В самом деле, если правящие группы этих режимов не намерены допускать приход к власти оппозиции, то «меню преемственности» сводится к выбору между двумя вариантами — персоналистским и однопартийным. Теоретически возможен и третий вариант: военное правление, но для постсоветских стран он нехарактерен. Длительность персоналистских режимов обычно не превышает продолжительности жизни главы государства, в то время как однопартийные режимы наиболее устойчивы.³⁹ Для Украины этот вариант, предполагавший создание «партии власти» на манер российской «Единой России», был нереалистичен. Хотя такие попытки в Украине предпринимались неоднократно, из-за фрагментации элит они не могли принести успех.⁴⁰

Режимам «доминирующей власти» иногда удается успешно решить проблему преемственности и персоналистским путем. Об этом, например, свидетельствует опыт Азербайджана, где о кончине бывшего главы государства Гейдара Алиева было объявлено лишь после избрания в 2003 г. на пост президента его сына Ильхама (хотя вполне вероятно, что на самом деле Алиев-отец скончался еще до

³⁹ Сравнительный анализ см.: *Geddes B. Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics.* Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2003. P. 47–88.

⁴⁰ *Лихтенштейн А.* Институциональные условия возникновения и функционирования «партий власти» в России и Украине: сравнительный анализ. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; МГИМО, 2003.

выборов). Но в режимах «бесформенного плюрализма» с их относительно высоким уровнем политической конкуренции⁴¹ приведение к власти преемника может оказаться делом рискованным. Риски возникают не столько для уходящего в отставку главы государства (ему, как в случае Бориса Ельцина, могут быть сохранены гарантии личной безопасности), сколько для значительной части элит. Угрозу им создает сам факт проведения конкурентных президентских выборов с их принципом «игры с нулевой суммой».⁴²

Многие гибридные режимы способны обойти (или отодвинуть) проблему преемственности, отказавшись от ограничения сроков полномочий глав государств (постсоветские страны демонстрируют немало примеров такого рода). Но ни одному из лидеров не дано править вечно: 66-летний Кучма, испытывавший серьезные проблемы со здоровьем, едва ли мог претендовать в 2004 г. на избрание президентом на полноценный третий срок. Смена главы государства казалась неизбежной, и в этих условиях фрагментированная элита оказалась не способна согласовать такую кандидатуру преемника, которая могла бы удовлетворить все противоборствующие группировки и позволила бы избежать конкуренции. Показательно, что в качестве такой кандидатуры в свою бытность премьер-министром Украины рассматривался и Ющенко,⁴³ однако идея его выдвижения не нашла достаточной поддержки в окружении президента, возглавляемом руководителем его администрации Виктором Медведчуком и зятем Кучмы, олигархом Виктором Пинчуком.

В конечном счете выбор Кучмы пал на представителя одного из конкурирующих региональных кланов — донецкого. Виктор Янукович, который накануне президентских выборов 2004 г. был назначен премьер-министром страны, де-факто оказался провозглашен преемником. Но из-за высокой политической фрагментации такое решение оказалось неприемлемым для значительной части как украинских элит, так и украинского общества. Между тем конкурентные президентские выборы в силу биполярного формата соревнования (когда голосование во втором туре выборов строится по принципу «или – или») способствовали притяжению всех тех, кто был не согласен с сохранением статус-кво, на сторону новой

⁴¹ *Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regime Change in Peru and Ukraine in Comparative Perspective. Glasgow: University of Strathclyde, Center for Study of Public Policy Working Paper. 2001. N 355.*

⁴² *Linz J. The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. 1990. Vol. 1. N 1. P. 51–69.*

⁴³ *Портников В. Выступление на семинаре в Московском центре Карнеги 9 декабря 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/media/71858.htm> (доступ 28 марта 2006).*

опозиции, объединившейся вокруг кандидатуры Ющенко по принципу «негативного консенсуса». В лагере Ющенко оказались и националисты запада Украины, и либералы, и значительная часть групп экономических интересов, оказавшихся аутсайдерами при перераспределении собственности в пользу донецкого клана (Андерс Ослунд из вашингтонского фонда Карнеги назвал это явление «бунтом миллионеров против миллиардеров»).⁴⁴

Иначе говоря, президентские выборы 2004 г. на время перекроили политическое пространство Украины: на смену крайней фрагментации пришла биполярность. По мнению некоторых наблюдателей, такой формат соревнования, ставший результатом тактических просчетов команды Кучмы, сыграл на руку оппозиции.⁴⁵ Выборы, вместо того чтобы стать механизмом передачи власти, повлекли за собой крах гибридного режима.

Президентские выборы, призванные обеспечить преемственность режима, на деле имели прямо противоположный, или, как говорят политологи, «опрокидывающий» эффект.⁴⁶ Неожиданно они привели не только к смене фигуры президента, но и, что гораздо важнее, к изменению «правил игры». Не только избранный в открытой борьбе Ющенко (вместо назначенного Януковича) сменил Кучму на посту главы государства, но сама публичная конкуренция оказалась закреплена на уровне конституционной реформы. В патовой ситуации кризиса в декабре 2004 г. Верховная рада решилась на передачу контроля над составом и политикой правительства от президента к парламенту, который отныне должен был формироваться на основе пропорциональной избирательной системы. На фоне драматического исхода президентских выборов эта конституционная реформа рассматривалась как важнейший шаг к демократизации украинской политики.⁴⁷

Однако в то время как «правила игры» в украинской политике изменились, состав и конфигурация основных игроков остались

---

⁴⁴ См. *Aslund A.* The Economic Policy of Ukraine after the Orange Revolution // *Eurasian Geography and Economics*. 2005. Vol. 46. N 5. P. 327–353; *Финько А.* Указ. соч.

⁴⁵ *Wilson A.* Virtual Politics; *Wilson A.* Ukraine's Orange Revolution. New Haven, Yale University Press, 2005.

⁴⁶ *Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, OK, and London: University of Oklahoma Press, 1991. P. 174–180.

⁴⁷ *Гельман В.* Уроки украинского // *Полис*. 2005. № 1. С. 36–49; *Christensen R. K., Rakhimkulov E. R., Wise C. R.* The Ukrainian Orange Revolution Brought More Than a New President: What Kind of Democracy Will the Institutional Changes Bring? // *Communist and Post-Communist Studies*. 2005. Vol. 38. N 2. P. 207–230; *Way L.* Kuchma's Failed Authoritarianism // *Journal of Democracy*. 2005. Vol. 16. N 2. P. 131–145.

прежними. «Бесформенный плюрализм» никуда не исчез, лишь отступил на время президентских выборов. После своего избрания Ющенко вынужден был, с одной стороны, вознаградить постами своих основных союзников по весьма пестрой предвыборной коалиции, а с другой — в преддверии назначенных на весну 2006 г. новых парламентских выборов проводить целостный политический курс. Желание одновременно сохранить и коалицию победителей, и массовую поддержку не позволило новой украинской власти создать устойчивую политическую конструкцию. Ситуация осталась неустойчивой и после формирования нового межпартийного коалиционного правительства по итогам выборов 2006 г. Пока трудно сказать, окажется ли новое правительство успешнее своих предшественников. Так или иначе, судьба демократических преобразований в Украине и успехи либо неудачи ее политического курса во многом будут зависеть от того, насколько украинские политики окажутся способны к эффективной кооперации, и от того, в какой мере политические институты Украины будут способствовать или препятствовать преодолению «бесформенного плюрализма» украинских элит.

Чем же является для Украины «бесформенный плюрализм» — своего рода затянувшейся «болезнью роста» нового государства, которое очень медленно и с большими издержками продвигается к демократии, или же хроническим заболеванием слабого государства, которое не способно создать успешно работающие институты и проводить эффективный политический курс? Ответы на эти вопросы пока не столь очевидны, и для их выяснения необходим экскурс в современную политическую историю страны.

1.2. От Чернобыля до Майдана

Говоря о динамике украинской политики, следует иметь в виду, что, хотя многие события в стране развивались вслед за аналогичными процессами в соседней России, их скорость долгое время была весьма невелика.⁴⁸ Лишь после «оранжевой революции» оказалось, что Украина медленно запрягает, но быстро едет — да к тому же едет отнюдь не туда, куда Россия.

---

⁴⁸ *Мотыль А. Дж.* Структурные изменения и отправные точки. Логика системных изменений в Украине и России // Украина и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Фурмана. М.: Права человека, 1997. С. 130–148; *Толтыго А.* Украинский путь.

Перестройка в Украине началась трагически — чернобыльской катастрофой и попыткой руководства — как республиканского, так и московского — по давней советской привычке спрятать концы в воду. Своего рода символами такой политики стали и известный заголовок статьи в «Правде» «Соловьи над Припятью», и первомайская демонстрация 1986 г. в Киеве, когда на трибуне, как ни в чем не бывало, с непокрытыми головами стояли руководители ЦК КПУ, а перед трибунами шли праздничные колонны. Если в масштабах СССР Чернобыль, вероятно, стал последней каплей, вынудившей Горбачева пойти на открытие политической системы и провозгласить политику гласности, то в Украине Чернобыль положил начало независимым общественным движениям, которые, начавшись с экологического протеста, постепенно охватывали все новые сферы жизни общества.

Неудивительно, что в Западной Украине (как и ранее в Прибалтике) эти движения уже к 1988 г. приобрели национальный оттенок. Однако к весне 1989 г., к моменту выборов на Съезд народных депутатов СССР, когда произошло рождение публичной политики, о влиянии национальных движений в Украине говорить не приходилось. За исключением Киева и отчасти Крыма, украинские избиратели в марте 1989 г. голосовали вполне лояльно по отношению к прежней советской системе,⁴⁹ а украинская делегация на съезде была одной из наиболее лояльных по отношению к Горбачеву.⁵⁰ Среди избранных в 1989 г. украинских депутатов были и яркие демократы, например житомирская журналистка Алла Ярошинская (ставшая своего рода символом борьбы Украины за гласность), и не менее яркие консерваторы, такие как ветеран-афганец из Черкасс Сергей Червонописский (инициировавший на съезде obstruction академика Сахарова) или активный деятель группы «Союз» Леонид Сухов из Харькова.

Никто из выдвиненцев 1989 г. позднее так и не стал в украинской политике значимой фигурой «первого ряда». Однако в 1989 г. ветры перестройки принесли перемены и в Украину.

Во-первых, в сентябре в отставку был отправлен первый секретарь ЦК КПУ Щербицкий, возглавлявший республику на протяжении 17 лет. Его сменил ставленник Горбачева Владимир Ивашко, в то время как секретарем ЦК КПУ по идеологии стал Леонид Кравчук.

Во-вторых, в 1989 г. было провозглашено создание «Народного движения Украины в поддержку перестройки “Рух”». Оно вы-

⁴⁹ Весна-89: География и анатомия парламентских выборов / Под ред. В. Колосова, Н. Петрова, Л. Смирнягина. М.: Прогресс, 1990.

⁵⁰ *Къеза Дж.* Переход к демократии. М.: Международные отношения, 1993.

росло и из нарождавшегося в СССР демократического движения, и из национального движения Запада Украины. В начале своего пути Рух искал поддержки в Москве, чтобы противостоять давлению киевского партийного аппарата.⁵¹ Но вскоре, на фоне невмешательства Центра и противодействия украинских властей (особенно широкий резонанс приобрело избиение ОМОНОм активистов Руха во Львове в октябре 1989 г.),⁵² произошла радикализация движения. Вслед за народными фронтами Прибалтики у украинцев произошло смещение лозунгов в сторону требований полной независимости республики.

В-третьих, летом 1989 г. Донбасс, как и все остальные угледобывающие регионы СССР, охватила волна шахтерских забастовок. Примечательно, однако, что если в Кузбассе и Воркуте эти забастовки быстро приобрели политический характер (они, в частности, выдвигали требования отмены шестой статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС), то в Донецке все ограничилось экономическими требованиями.⁵³ Хотя в 1990–1991 гг. новые волны забастовок носили уже политический характер, устойчивый альянс национал-демократов и рабочего движения все же не сформировался⁵⁴ и позднее шахтерский протест остался всего лишь орудием давления на Киев со стороны донецкого клана.

На этом фоне результаты первых конкурентных выборов в Верховный совет Украины в марте 1990 г. оказались достаточно амбивалентными. С одной стороны, в новый украинский парламент оказалось избрано немало сторонников Руха, особенно на западе Украины и в Киеве. С другой стороны, потенциал национал-демократов был недостаточен для того, чтобы вести борьбу за власть по Украине в целом. В отличие не только от народных фронтов Прибалтики, но и от «Демократической России», им не хватало ни известных в масштабах страны лидеров, ни организационной координации, ни, наконец, идеологии, приемлемой для большинства избирателей страны. Радикальные (и порой русофобские) лозунги мелких, но крайне активных националистических группировок Запада Украины просто отпугивали демократически настроенных

---

⁵¹ *Prizel I.* Ukraine between Proto-Democracy and «Soft» Authoritarianism // K. Dawisha, B. Parrott (eds.). *Democratic Changes and Authoritarian Reactions in Russia, Ukraine, Belarus, and Moldova.* Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 337–338.

⁵² *Михайловская Е.* Украина: политические партии и организации. М.: Панорама, 1992. С. 56.

⁵³ *Friedgut T. H.* Perestroika in the Provinces: The Politics of Transition in Donetsk // T. H. Friedgut, J. W. Hahn (eds.). *Local Power and Post-Soviet Politics.* Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1994. P. 166.

⁵⁴ *Prizel I.* Op. cit. P. 338.

избирателей Востока (феномен, неоднократно воспроизводившийся позднее вплоть до «оранжевой революции»).

В итоге расстановка сил в Верховном совете оказалась следующей: формально 373 из 450 депутатов были членами КПСС, но КПУ сформировала большинство в 239 депутатов («группа 239» во главе с Александром Морозом). 78 депутатов примкнули к коалиции национал-демократов (40 из них входили в Рух, остальные представляли мелкие националистические группы). Еще 40 депутатов вошло в демократическую коалицию, сформированную под эгидой Партии демократического возрождения Украины (в программном отношении она являлась эквивалентом «Демократической России», ее лидер Владимир Гринев стал заместителем председателя Верховного совета).

Хотя национал-демократы и демократы сотрудничали в рамках «зонтичного» объединения «Народная рада—Демократический блок» (включавшего всего 122 депутата), но объединял их скорее общий противник в лице КПУ, а не близость взглядов.⁵⁵ Представители Руха тем не менее оказались в большинстве в некоторых местных Советах на Западе Украины, а их лидер, бывший диссидент Вячеслав Чорновил (в русской транскрипции его фамилия тогда обычно писалась как «Черновол») возглавил Львовский областной Совет.

Однако к 1990 г. процесс дезинтеграции СССР развивался уже независимо от намерений украинских (как, впрочем, и грузинских или эстонских) политиков. Относительно свободные республиканские выборы 1990 г. привели к ряду непреднамеренных последствий. Легитимность союзных властей была подорвана, и новые избранные республиканские legislatures оказались единственными легитимными органами власти в республиках. Помимо этого, в республиканских выборах участвовали не общесоюзные, а республиканские партии и движения (даже коммунисты в Украине выступали под флагом КПУ, а не КПСС). К тому же республиканские органы власти не были заинтересованы в проведении согласованной экономической политики на общесоюзном уровне, которая позволила бы преодолеть нарастающий экономический кризис. На фоне неэффективности и нерешительности союзных властей эта комбинация стимулов подталкивала республиканские legislatures к шагам, направленным на укрепление собственных позиций за счет ослабления позиций союзного Центра.

⁵⁵ *Prizel I.* Op. cit. P. 340; *Wilson A.* Ukraine: Two Presidents and Their Powers // R. Taras (ed.) Post-Communist Presidents. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 68, 84; *Wilson A.* Ukraine // R. Elgie (ed.). Semi-Presidentialism in Europe. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 274.

Первый шаг на этом пути сделала Россия, провозгласив 12 июня 1990 г. Декларацию о государственном суверенитете, сохранившую положение о приоритете российских законов над союзными. Украина сделала аналогичный шаг спустя пять недель, 16 июля 1990 г.; за ней последовали и другие союзные (и автономные) республики. Лозунг «суверенитета» в контексте кризиса перестройки означал замещение союзных властей республиканскими — как де-юре, так и де-факто, со всеми присущими им атрибутами «настоящей» государственности — от флага и гимна до выборного президентства. Такое развитие событий привело к размежеванию внутри украинской правящей элиты. Если руководство ЦК КПУ во главе со Станиславом Гуменко (так называемые «импер-коммунисты») в силу должностного положения вынуждено было отстаивать единство Советского Союза, то руководство Верховного совета во главе с Кравчуком («суверен-коммунисты») взяло на вооружение лозунг суверенитета Украины, обеспечив поддержку широкой коалиции сторонников — от националистов до директоров предприятий.

В этот период символическая политика (наследная выражение в Украине, в частности, в придании украинскому языку в 1990 г. статуса государственного) приобрела наиболее заметную роль. Но не менее серьезными были и провозглашение республиканской собственности на предприятия и природные ресурсы, отказ от перечисления налоговых поступлений в союзный бюджет и другие шаги, подрывавшие и без того разваливавшуюся экономику СССР.

Ухудшение экономической ситуации подталкивало к более решительным действиям как общественные движения, так и власти Украины. Так, в октябре 1990 г. после серии студенческих демонстраций Верховный совет отправил в отставку председателя Совета министров Украины Виталия Масола, занимавшего этот пост с 1987 г., и назначил новым главой правительства бывшего председателя Госплана Витольда Фокина, что, впрочем, ситуацию ничуть не улучшило. Но в целом, хотя Украина и не была лидером экономического национализма среди союзных республик, Кравчук устойчиво примыкал к неформальной коалиции республиканских лидеров, возглавляемой Ельциным, и противостоявшей союзному Центру во главе с Горбачевым. Коалиция эта требовала от него все больших уступок при подготовке проекта нового Союзного договора.

Семнадцатого марта 1991 г. в Украине, как и во всем Советском Союзе, состоялся референдум о судьбе СССР. Хотя в целом по республике за сохранение СССР проголосовало 70,5% участвовавших в голосовании (с учетом явки — 62,1% от всех избирателей),

за этими цифрами стояла пестрая картина. В Галиции, т. е. на западе Украины, ранее входившем в состав Австро-Венгрии (Львовская, Тернопольская, Ивано-Франковская области), за сохранение СССР голосовало менее 20%, а в Киеве — менее 45, в то время как юг и восток Украины отдали Союзу более 80% голосов.

Но главная особенность референдума в Украине состояла в том, что Верховный совет с целью укрепить собственную легитимность и усилить свои позиции в «торге» республик с Москвой, провел одновременно и республиканский опрос. Его вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза Суверенных Государств на началах Декларации о государственном суверенитете Украины?» получил позитивный ответ от 80,2% участников голосования (с учетом явки — 66,9% от всех избирателей). При этом во всех регионах Украины (за исключением Крыма) численность сторонников суверенитета Украины «в составе Союза» оказалась больше, чем сторонников сохранения СССР как такового (в Киеве «за» на этот вопрос ответило 78,2%). В этой связи вряд ли стоит удивляться итогам голосования на прошедшем восемь с половиной месяцев спустя (1 декабря 1991 г.) референдуме о независимости Украины, когда 90,8% участников (с учетом явки — 76,5% избирателей) высказалось «за». При этом лишь в Крыму доля сторонников независимости едва превысила половину («за» голосовало 54,2%).⁵⁶

Дальнейшие события развивались стремительно. Во время августовского путча в Москве украинское руководство заняло выжидательную позицию: Верховный совет ничем себя не проявил, а поведение Кравчука было уклончивым — ни за, ни против путчистов. Тем более решительными оказались последующие шаги: 24 августа Верховный совет практически единогласно принял Акт провозглашения независимости Украины, вслед за этим последовали приостановка, а затем и запрет деятельности КПСС с конфискацией ее имущества (в 1993 г. коммунисты Украины, как и России, смогли восстановить партию).

Такой резкий разворот стал возможен благодаря позиции Кравчука и поддержавшей его части национал-коммунистической элиты: когда контроль Киева со стороны Москвы оказался утрачен, грех было не воспользоваться ситуацией для захвата всей полноты власти в Украине. Национал-демократы безусловно поддержали эти идеи, хотя фактически их лозунги оказались перехвачены политическими конкурентами. Что же до коммунистов в Верховной раде, то лишь менее их трети вступили в умеренно-левую СПУ и

⁵⁶ Задорожнюк Э., Фурман Д. Указ. соч. С. 102–105.

Селянскую партию, остальные же депутаты сохранили статус независимых.⁵⁷

В результате в преддверии назначенных на 1 декабря 1991 г. президентских выборов Кравчук не встретил значимого сопротивления ни со стороны левых, ни со стороны национал-демократов. На левом фланге Мороз отказался от участия в выборах, а представитель аграриев, министр сельского хозяйства Александр Ткаченко, снял накануне голосования свою кандидатуру в пользу Кравчука. Демократы выдвинули кандидатуру Гринева. Лагерь же национал-демократов оказался расколот: помимо Чорновила баллотировались лидер «Народной рады», академик Игорь Юхновский и бывший диссидент Левко Лукьяненко, прошедший 27 лет в советских лагерях.

Фрагментация кандидатов оказалась на руку Кравчуку, получившему 61,6% голосов против 23,3 — у Чорновила (Лукьяненко получил 4,5%, Гринев — 4,2, Юхновский — 1,7%); при этом за Кравчука было подано большинство голосов во всех регионах Украины, за исключением Галиции, где лидировал Чорновил.⁵⁸ Именно Кравчук стал главным победителем референдума о независимости Украины: его итоги предоставили главный аргумент украинскому лидеру 8 декабря 1991 г. во время встречи с Ельциным и Шушкевичем в Беловежской Пуще, завершившейся развалом СССР.

Итак, Кравчук возглавил окончательно обретшую независимость Украину, но это не помогло решению многочисленных экономических проблем.

С одной стороны, формальная и неформальная власть президента существенно возросли. В начале 1992 г. он провел реорганизацию кабинета министров, который отныне находился под контролем президента, а также назначил указами своих представителей в качестве глав администраций украинских областей. В большинстве случаев ими стали прежние представители региональных элит: Кравчук не имел возможности противодействовать региональным кланам. В отличие от Ельцина, который находился в состоянии острого конфликта с Верховным советом, Кравчук первое время сохранял свой контроль над законодательной властью, которую возглавил лояльный ему Иван Плющ.

С другой стороны, Кравчук не только не проводил активной политики, но и вообще не имел какой-либо экономической стратегии: накануне выборов он лишь пообещал начало экономического роста через год, «если Украина выйдет из СССР».⁵⁹ Но через год

⁵⁷ *Prizel I.* Op. cit. P. 340.

⁵⁸ *Задорожнюк Э., Фурман Д.* Указ. соч. С. 106–110; *Wilson A.* Two Presidents. P. 70–71, 99

⁵⁹ *Задорожнюк Э., Фурман Д.* Указ. соч. С. 110.

экономическая ситуация в Украине отнюдь не улучшилась: кабинет Фокина не проводил никаких экономических реформ. На фоне гиперинфляции (ее уровень в 1992 г. достиг 1210%) правительство раздавало дешевые кредиты промышленным и аграрным предприятиям, находившимся в собственности государства (массовая приватизация в Украине существовала тогда лишь в проектах).⁶⁰ При подобном подходе у Фокина не было никаких стимулов к тому, чтобы проводить согласованную денежную политику с Россией, несмотря на сохранение у обеих стран единой валюты.

Правительство затыкало бюджетные дыры за счет реэкспорта энергоресурсов, которые поставлялись Украине по внутрироссийским ценам (эта проблема будет сопровождать российско-украинские отношения все последующие годы). Российский премьер-министр Егор Гайдар в своих мемуарах резко критиковал своего украинского коллегу, раз за разом срывавшего все договоренности.⁶¹ В конечном итоге политика Фокина (или, точнее, отсутствие таковой) сработала против него: уже в июле 1992 г. относительное большинство Верховного совета проголосовало за вотум недоверия кабинету, а национал-демократы (Рух к тому времени распался) даже предлагали распустить парламент и провести новые выборы. Но потребовалось еще более двух месяцев, прежде чем правительство Фокина все же было отправлено в отставку и на пост премьер-министра был назначен выходец из днепропетровского клана, бывший директор оборонного гиганта «Южмаш» Леонид Кучма.

По контрасту с пассивной политикой Кравчука и прежнего кабинета Кучма вначале выглядел активным реформатором. Он ратовал за обуздание инфляции, ускорение приватизации, сокращение бюджетного дефицита и укрепление экономических связей с Россией. Кучма заручился поддержкой парламентского большинства (в состав кабинета наряду с представителями директорского корпуса вошли националист Юхновский и либеральный министр экономики Виктор Пинзеник). Премьер добился предоставления ему сроком на полгода дополнительных полномочий, включая право принимать обязательные для исполнения указы по вопросам экономической реформы. Кучме были частично переподчинены и представители президента в регионах.⁶² Иначе говоря, власть пре-

⁶⁰ Prizel I. Op. cit. P. 344–346.

⁶¹ Гайдар Е. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996.

⁶² Wilson A. Two Presidents. P. 78–79; Wise C. R., Pigenko V. The Separation of Powers Puzzle in Ukraine: Sorting Out Responsibilities and Relationships between President, Parliament, and the Prime Minister // T. Kuzio, R. S. Kravchuk, P. D'Anieri (eds.). State and Institution Building in Ukraine. Basingstoke: Macmillan, 1999. P. 41.

мьер-министра оказалась усилена за счет ослабления президента. Однако в целом правительство Кучмы не изменило прежнего курса и потому оказалось еще менее успешным, чем кабинет Фокина: в 1993 г. инфляция выросла до заоблачных 4735%, а экономический спад составил 17%.⁶³

Конфликт между кабинетом, президентом и парламентом разгорелся в мае 1993 г.: Верховный совет отказался продлить дополнительные полномочия кабинета, но в то же время не стал возвращать эти полномочия президенту. Более того, парламент не принял предложения Кравчука об отставке кабинета, а левые депутаты (как, кстати, и их российские коллеги в это же время) выступали за ликвидацию поста президента как такового. Новый виток конфликта в июне 1993 г. во время обсуждения проекта новой конституции сопровождался массовыми забастовками шахтеров Донбасса, перекинувшимися на всю Украину, а также требованиями о досрочных выборах президента и парламента. Ни одно из предложений по вопросу о разграничении полномочий между главой государства и кабинетом не было принято. Ситуация зашла в тупик.

Кравчук даже предложил в духе Ельцина провести референдум по вопросу о доверии президенту и Верховному совету, парламент эту инициативу поддержал. Однако незадолго до дня референдума, в сентябре 1993 г. (как раз после того, как в Москве Ельцин распустил Съезд народных депутатов), ситуация в Украине разрешилась мирным путем благодаря формально добровольной, но фактически вынужденной отставке Кучмы. Взамен референдума Верховный совет назначил новые парламентские и президентские выборы весной-летом 1994 г. и утвердил на посту премьер-министра бывшего мэра Донецка Ефима Звягильского.⁶⁴ Кабинет Звягильского по определению был временным правительством, и оттого его политика мало отличалась от политики предшественников, зато уровень коррумпированности правительства в условиях предвыборной неопределенности расценивался наблюдателями как весьма высокий. Звягильский «зачистил» правительство от днепропетровских ставленников Кучмы, расставив на ключевые посты выдвиженцев донецкого клана.⁶⁵

Выборы Верховной рады в марте 1994 г. (как и выборы Верховного совета в 1990 г.) прошли по мажоритарной системе и потому оказались не столько полем борьбы политических партий, сколько свидетельством доминирования местных кланов и их по-

⁶³ *Prizel I.* Op. cit. P. 346–348.

⁶⁴ *Prizel I.* Op. cit. P. 348; *Wilson A.* Two Presidents. P. 80.

⁶⁵ *Ливен А.* Указ. соч. С. 226.

литических машин. Явка на выборы в ряде крупных городов была ниже требуемых законом 50%, и потому в Раду избрали лишь 338 из требуемых законом 450 депутатов (часть мест в парламенте удалось заполнить позднее на довыборах). В итоге наиболее влиятельным в Раде стал левый блок, включавший представителей коммунистов, социалистов и аграриев (147 мест). Национал-демократы потерпели поражение (Рух смог получить лишь 27 мест). Большинство же мандатов досталось независимым депутатам, не связанным ни с какими партиями (170 мест), а также многочисленным мелким партиям.⁶⁶

Неудивительно, что левый блок установил контроль над ключевыми парламентскими комитетами, а председателем Рады стал лидер СПУ Мороз, для которого этот пост стал трамплином для участия в президентских выборах. Помимо него в качестве конкурентов Кравчука, баллотировавшегося летом 1994 г. на второй президентский срок, выступили Плющ и Владимир Лановой, бывший министр экономики, безуспешно пытавшийся проводить курс реформ в правительстве Фокина. Но главным противником президента являлся Кучма, чья популярность после скандальной отставки осени 1993 г. значительно возросла: в глазах ряда избирателей он выглядел жертвой конфликта президента и парламента.

Кучма, выступавший сторонником укрепления экономических связей с Россией, призывал создать общее «евразийское пространство», при этом требуя большей децентрализации, но главное — настаивал на придании русскому языку статуса государственного, критикуя политику национального строительства и украинизации, проводившуюся при Кравчуке. Эти лозунги Кучмы обеспечили ему поддержку избирателей регионов юга и востока Украины; со своей стороны Кравчук, поддержанный националистами (те не выдвигали своих кандидатов), стал кандидатом Западной Украины. При этом из-за параллельного проведения губернаторских выборов (в первый и пока последний раз за всю историю страны) Кравчук не мог в полной мере опираться на своих представителей в регионах, а потому «административный ресурс» остался невостребован, что сыграло на руку Кучме.

В первом туре выборов небольшой перевес оказался на стороне Кравчука (37,7%), Кучма получил 31,2%, Мороз — 13,1, Лановой — 9,4, еще 4,1% пришлось на долю трех других кандидатов. Во втором туре голоса сторонников Мороза отошли к Кучме, а голоса сторонников Ланового распределились между обоими лидерами

⁶⁶ Wilson A. Ukraine. P. 274–275.

предвыборной гонки. Кравчук победил в регионах Правобережной Украины, включая Киев, где он получил почти 60% голосов, Кучма доминировал в регионах Левобережной Украины (свыше 90% голосов в Крыму и Севастополе).⁶⁷ Численное преимущество избирателей Востока над избирателями Запада Украины, пожалуй, стало главным фактором, обусловившим исход президентских выборов: Кучма получил в итоге 52,1% голосов, Кравчук — 45,1.

Таким образом, 10 июля 1994 г. в Украине впервые в постсоветской истории произошла смена власти в результате поражения главы государства на конкурентных выборах. Для всех других государств СНГ, за исключением Молдовы, такой механизм смены власти — рутинный в условиях демократии — остается невысказанным, по крайней мере пока.

Избрание Кучмы, хотя и стало для Украины уроком демократии, не придало никакого нового импульса экономическим реформам. Правительство страны по-прежнему оставалось неэффективным: еще в мае 1994 г. Кравчук отправил в отставку Звягильского и вернул из политического небытия Масола на пост премьер-министра. Масол сохранил свой пост и при Кучме.

Хотя усилиями Ющенко, назначенного в 1993 г. на должность главы Национального банка Украины, инфляцию постепенно удалось обуздать, а бюджетный дефицит снизить, прогресс на пути экономических реформ оставался незначительным, особенно в отношении приватизации крупных предприятий. Так, по данным индекса экономической свободы *Heritage Foundation*, в 1996 г. Украина заняла 126-е место в мире. Ее индекс составил 4,0 (минимальная оценка — 5,0). Украина обогнала в постсоветском мире лишь занявший 134-е место Азербайджан.⁶⁸

Кучма, как и до него Кравчук, в этой ситуации настаивал на усилении президентской власти, требуя дополнительных полномочий для проведения реформ. В октябре 1994 г. он потребовал от Рады принять Закон «О власти», предоставлявший ему право вето на принимаемые Радой законы, право роспуска Рады, а также право назначать глав исполнительной власти регионов. Неудивительно, что все эти предложения были отвергнуты депутатами, которые, в свою очередь, выразили в марте 1995 г. вотум недоверия правительству Масола. На посту главы кабинета его сменил бывший глава Службы безопасности Украины Евгений Марчук. Лишь после этого начался «торг» вокруг проекта Закона «О власти». В результате из проекта

⁶⁷ *Задорожнюк Э., Фурман Д.* Указ. соч. С. 116–117; *Prizel I.* Op. cit. P. 356; *Wilson A.* Two Presidents. P. 98–99.

⁶⁸ *Prizel I.* Op. cit. P. 356.

были изъяты статьи, которые позволяли парламенту легко проводить импичмент президента, а президенту — распускать парламент.

В мае 1995 г. Закон «О власти» был все же принят Радой, но так как он явно противоречил конституции Украины, его вступление в силу требовало принятия еще и ряда конституционных поправок. Левые в Раде заблокировали этот шаг. Тогда Кучма, чья популярность по сравнению с популярностью депутатского корпуса оставалась относительно высокой, прибег к угрозе проведения референдума по вопросу о доверии ему или парламенту.

И вновь, как и в 1993 г., перед лицом этой угрозы удалось достигнуть компромисса: 8 июня президент и парламент подписали специальное конституционное соглашение, которое фактически приостанавливало действие конституции в части, противоречившей Закону «О власти». Президент получил право назначать глав региональных администраций и членов кабинета (без согласия парламента), а также право вето на принимаемые Радой законы. Рада получила право вето на президентские указы, а также право выражать недоверие кабинету и отдельным министрам, влекущее за собой их отставку. На проведение референдума был наложен годичный мораторий, обуславливающийся необходимостью принятия в этот срок новой конституции страны.⁶⁹

Последующий год характеризовался длительным «торгом» президента и Рады вокруг проекта новой конституции, к которому было подано едва ли не десяток альтернативных вариантов и свыше 5700 поправок. Единства в Раде не было, и конституционный процесс грозил стать бесконечным. Кучма вновь прибег к сочетанию «кнута и пряника»: с одной стороны, он согласился с рядом предложенных депутатами поправок при условии немедленного принятия Радой конституции в целом, с другой — пригрозил парламенту вынести на референдум проект конституции, дававший президенту гораздо более широкие полномочия, нежели согласованный с Радой вариант.

В итоге депутаты пришли к компромиссу, и после длившегося почти сутки заседания Рады 28 июня 1996 г. новая конституция Украины все же была принята голосами 315 из 450 депутатов. Новые парламентские выборы были назначены на март 1998, а президентские — на октябрь 1999 г.⁷⁰ Резюмируя, можно отметить, что

⁶⁹ Украина. Обзор конституционных новостей (мониторинг) // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение, 1995–2002 (различные выпуски) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ilpp.ru/PDFarhiv> (доступ 28 марта 2006); Wilson A. Two Presidents. P. 86–87.

⁷⁰ Украина; Wilson A. Ukraine. P. 266.

президент Украины оказался по конституции куда более ограничен в своих правах, чем его коллеги по странам СНГ: лишь в Молдове полномочия главы государства были меньшими, чем в Украине.⁷¹

Между тем ситуация в украинской экономике по-прежнему оставалась тяжелой. Долги по зарплате бюджетникам были столь высоки, что летом 1996 г. даже объявили о сокращении приема в вузы, предложив отправить до трети преподавателей в неоплачиваемые отпуска.⁷² Весной-летом 1996 г. проблемы долгов государства обострились в Донбассе, где прокатилась очередная волна шахтерских забастовок, достигшая пика после попыток блокирования дорог. Руководство Донецкой области поддерживало эти выступления, используя их как аргумент в «торге» с Киевом за финансовую самостоятельность и политическую автономию региона, а также за передачу предприятий в подчинение областной администрации.

В мае 1996 г. Кучма сделал выбор в пользу днепропетровского клана: новым главой правительства Украины стал вице-премьер Павел Лазаренко, который в 1992–1995 гг. был губернатором Днепропетровской области. Вслед за этим на ключевые должности в правительстве и министерствах было назначено большое число выходцев из Днепропетровска (по некоторым оценкам — до 200 человек),⁷³ оттеснивших представителей донецкого клана. По сути, между этими двумя влиятельными группировками началось открытое противостояние. В ответ на протест шахтеров Лазаренко заявил о необходимости реструктуризации угольной отрасли и пригрозил закрытием убыточных шахт. Сотни участников акций протеста в Донбассе были арестованы, забастовку объявили угрожающей территориальной целостности Украины.

В июле 1996 г., когда Лазаренко направлялся в киевский аэропорт, откуда должен был вылететь в Донецк, произошел взрыв заложенной в его автомобиль бомбы. Хотя сам премьер не пострадал (его противники говорили в этой связи о провокации), этот инцидент стал поводом для смещения с постов всего руководства Донецкой области, включая губернатора Владимира Щербаня, одного из богатейших людей страны, являвшегося к тому же лидером Либеральной партии Украины. На эти посты были также назначены ставленники днепропетровского клана.⁷⁴ Позднее, в ноябре 1996 г., в донецком аэропорту был застрелен один из местных олигархов

⁷¹ *Shugart M. Executive-Legislative Relations in Post-Communist Europe // Transitions, 1996. Vol. 2. N 25. P. 6–11.*

⁷² Украина.

⁷³ *Ливен А. Указ. соч. С. 226.*

⁷⁴ *Матцузато К. Современная патримония. С. 88–89.*

Евгений Щербань (не родственник Владимира Щербаня, но человек, тесно с ним связанный).

В свою очередь, правительство Лазаренко его противники повсеместно обвиняли в коррупции. В частности, наиболее громкий скандал был связан с передачей эксклюзивных контрактов на поставку газа компании «Единые энергетические системы Украины», связанной с днепропетровским кланом (в 1996–1997 гг. компанию возглавляла будущий премьер-министр — Юлия Тимошенко; именно там начался ее карьерный взлет). При этом созданная под патронажем донецкого клана местная компания «Интергаз», лишившаяся этих прав, стала банкротом.⁷⁵

Продолжался также конфликт между правительством и парламентом. Президент, хотя и мог накладывать вето на принимаемые Радой законопроекты, не мог добиться от парламента одобрения своих предложений, поскольку не имел опоры в лице парламентского большинства. Ни к чему не привели и попытки президентской администрации добиться смены руководства Рады во главе с Морозом. В конце 1996 г. левые в Раде заблокировали принятие бюджета страны на 1997 г., предусматривавшего существенное сокращение социальных расходов. В итоге бюджетные расходы финансировались ежемесячно по смете, и к марту 1997 г. долг государства по заработной плате в общественном секторе вырос до \$2,3 млрд.

Главный правительственный реформатор Пинзеник ушел в отставку, и на посту министра экономики его сменил глава днепропетровского «Приват-банка» (одного из спонсоров предвыборной кампании Кучмы) Сергей Тигипко. Кучма произвел еще целый ряд перестановок в кабинете, но ситуацию это не улучшило. Лишь в мае 1997 г. президент смог достичь компромисса с Радой по вопросам бюджета и налогообложения. Такое развитие событий отнюдь не было на руку Кучме. Как и прежде, в жертву политической конъюнктуры была принесена фигура премьер-министра: ставший одиозным Лазаренко был сперва отстранен от должности, а в июле 1997 г. отправлен в отставку. Его сменил еще один представитель того же клана Валерий Пустовойтенко, бывший некогда мэром Днепропетровска.⁷⁶

В такой обстановке разворачивалась новая кампания по выборам в Верховную раду. На сей раз выборы проходили по смешанной избирательной системе, почти полностью дублировавшей российскую (225 мест разыгрывалось по одномандатным округам, 225 мест — по

⁷⁵ Ливен А. Указ. соч. С. 228–229.

⁷⁶ Украина; Wilson A. Ukraine's Orange Revolution.

партийным спискам) с той лишь разницей, что заградительный порог для прохождения партий в Раду составил 4, а не 5%.

Ход кампании сопровождался многочисленными скандалами: Рада в ответ на ставшие постоянными президентские вето пыталась инициировать импичмент Кучмы, парламентская фракция «Громада» во главе с Лазаренко обвиняла в коррупции Пустовойтенко и мэра Киева Александра Омельченко. Со своей стороны Кучма обвинял в многочисленных злоупотреблениях Лазаренко, которого не без оснований рассматривал как главного потенциального противника в борьбе за президентский пост. Всего в ходе кампании были совершены нападения на 34 кандидатов, а вскоре после выборов был застрелен влиятельный депутат Рады и банкир Вадим Гетман (предшественник Юценко на посту главы Национального банка). Единственным успехом тех месяцев стало принятие Радой бюджета Украины на 1998 г. (впервые за постсоветский период бюджет был принят в срок).

Кучма в преддверии выборов неоднократно пытался создать свою «партию власти» (например, на основе Народно-демократической партии Украины), но потерпел неудачу и в итоге отказался открыто поддержать какую-либо партию, лишь призвав избирателей голосовать против левых.⁷⁷

Исход парламентских выборов в полной мере отразил фрагментацию партийной системы Украины, состоявшей из многочисленных клиентелистских партий с относительно узкой локальной базой. В Верховной раде оказалось представлено восемь партий (хотя 5%-ный барьер пересекли лишь пятеро из них). Наиболее влиятельную фракцию создала КПУ, получившая 24,7% голосов по спискам и 124 депутатских мандата. Рух с 9,5% голосов получил лишь 47 мандатов, 8,5% и 35 мест досталось блоку СПУ и Селянской партии. Еще 15 мест добилась леворадикальная Прогрессивная социалистическая партия Украины (ПСП) во главе с Натальей Витренко, 44 мандата оказалось у партии Лазаренко «Громада». Лояльная Кучме Народно-демократическая партия Украины (НДПУ) во главе с Пустовойтенко с 4,99% голосов изначально получила лишь 30 мест, но затем к ней присоединился ряд независимых депутатов, и во фракцию НДПУ вошло в конечном счете 90 человек. Двадцать семь мест отошло к Социал-демократической партии Украины — СДПУ(о), патронами которой выступали Кравчук, Марчук и влиятельные киевские бизнесмены, включая владельца футбольного клуба «Динамо» Григория Суркиса. Еще 25 мандатов оказалось у партии «зеленых».⁷⁸

⁷⁷ Wilson A. Ukraine. P. 276.

⁷⁸ Щербак А. Указ. соч.; Birch S. Op. cit.; Wilson A., Birch S. Op. cit.

Такая расстановка сил была неблагоприятна для Кучмы, столкнувшегося с преобладанием в Раде оппозиции всех оттенков. Но президентской администрации, которая поставила целью не допустить избрания Радой левого спикера (прежде всего Мороза, потенциального конкурента Кучмы на президентских выборах), удалось отчасти нейтрализовать эти угрозы. Кандидатурам Мороза и лидера КПУ Петра Симоненко не хватило нескольких голосов до завоевания большинства, и после растянувшихся на два месяца 20 раундов голосований главой парламента был избран Ткаченко, представлявший Селянскую партию и занимавший пост вице-спикера в прежнем составе Верховной рады. Его двумя заместителями стали второй секретарь ЦК КПУ Адам Мартынюк и лидер фракции социал-демократов Виктор Медведчук.⁷⁹

В целом расстановка сил в Раде во многом дублировала предыдущий состав легислатуры, и поэтому ее конфликты с правительством продолжились уже в новых условиях. Хотя спад производства в Украине остановился, достигнув «дна», правительство испытывало острые проблемы со сбором налогов и с оплатой долгов по зарплате. Летом 1998 г. Пустовойтенко даже изолировал около 2000 руководителей различных компаний, заявив, что они останутся под замком до тех пор, пока не согласятся погасить часть долгов перед бюджетом и пенсионным фондом. Месяцем позже 1500 руководителей компаний и местных органов власти были отправлены в палаточный лагерь под Киевом, который они могли покинуть, лишь уплатив все причитающиеся налоги; у руководителей компаний-неплательщиков были также конфискованы их автомобили (список составил 11 000 машин).

Конечно, эти шаги позволяли хотя бы отчасти затыкать дыры в бюджете, но не могли стабилизировать экономику. Предпринятые Кучмой попытки сокращения бюджетных расходов на 20% встретили острое неприятие в Раде. На голосование был поставлен вопрос о недоверии правительству Пустовойтенко, но это предложение левых не набрало большинства голосов депутатов. Однако Рада блокировала принятие бюджета на 1999 г. последовательно провалив три различных проекта, и лишь под угрозой срыва договоренностей с МВФ о получении стабилизационного займа четвертый по счету вариант был одобрен минимальным большинством в 226 голосов.

В разгар внутрипарламентской борьбы, обострившейся в преддверии президентских выборов 1999 г., произошел раскол фракции Руха: ее многолетний лидер Чорновил был смещен со своего пос-

⁷⁹ Украина; Урбан Дж. Б. Указ. соч.

та и вскоре погиб в автокатастрофе при невыясненных обстоятельствах. Новым формальным лидером Руха стал бывший министр иностранных дел Украины Григорий Удовенко.

Накануне кампании по переизбранию на второй срок Кучма смог избавиться от одного из своих опаснейших соперников. В декабре 1998 г. Лазаренко был арестован в Швейцарии по обвинению в причастности к отмыванию денег, но вскоре отпущен под залог. По возвращении в Киев уголовное дело против него возбудила украинская генеральная прокуратура. Против ожиданий «Громады», Верховная рада дала согласие на лишение депутатской неприкосновенности Лазаренко, уже выдвинутого кандидатом на пост президента страны. Опасаясь репрессий, в феврале 1999 г. Лазаренко бежал в США, где и был арестован: политическая карьера бывшего премьера на этом оборвалась.⁸⁰

Остальные конкуренты Кучмы были менее опасны: КПУ, настаивавшая на ликвидации института президента как такового и возврате к власти Советов, потерпела неудачу в Раде, а ее попытки заблокировать работу парламента не имели успеха и лишь отталкивали от коммунистов возможных сторонников. К тому же КПУ конкурировала за поддержку одних и тех же избирателей не только с социалистом Морозом, но еще и с Натальей Витренко, выдвижение которой было выгодно президентской администрации, а потому неявно ею поддерживалось с целью разделить голоса сторонников КПУ. Аналогичный прием, кстати, впоследствии использовал Кремль на российских думских выборах 2003 г., проводя кампанию «Родины».⁸¹

Всего же на пост президента Украины было выдвинуто 15 кандидатов, включая Ткаченко, Марчука и Удовенко (13 из 14 противников Кучмы являлись депутатами Верховной рады). Такая фрагментация оказалась выгодна главе государства: раздробленная оппозиция не могла рассчитывать на победу. Попытки Мороза, Ткаченко, Марчука и независимого кандидата, мэра Черкасс Владимира Олійника договориться о выдвижении единого кандидата, способного противостоять Кучме, завершились полным провалом. Участники переговоров так и не смогли решить, кто из них бросит вызов действующему президенту, и в конце концов лишь Олійник и Ткаченко сняли свои кандидатуры в пользу Марчука и Симоненко соответственно.⁸²

При таком «меню» кандидатов Кучма, на стороне которого были и «административный ресурс», и поддержка большей части

⁸⁰ *Wilson A. Ukraine's Orange Revolution.*

⁸¹ *Wilson A. Virtual Politics.*

⁸² *Толтыго А. Интерпретация украинских президентских выборов 1999 года // Полис. 1999. № 6. С. 129–134; Украина; Wilson A. Ukraine's Orange Revolution.*

украинской элиты, рассматривавшей его как наименьшее зло по сравнению с многочисленными левыми конкурентами, мог серьезно рассчитывать на успех, даже несмотря на явно неблагоприятный экономический контекст. В первом туре голосования Кучма получил 36,5% голосов против 22,2 — у своего ближайшего противника, которым оказался Симоненко. Остальные кандидаты заметно отстали: у Мороза было 11,3%, у Витренко — 11, у Марчука — 8,1%. При этом общая доля левых избирателей составила 44,5%, но в политике в отличие от арифметики результат не равен сумме слагаемых.

Выход во второй тур ортодокса Симоненко, выступавшего с позиций аутсайдера (а не склонного к компромиссам Мороза, давно входившего в украинский истеблишмент), стал настоящим подарком для Кучмы: такой противник в качестве кандидата на пост президента мог победить лишь в случае раскола элиты. Кучме же удалось консолидировать своих сторонников, и во втором туре он одержал уверенную победу: 56,2% голосов против 37,8 у Симоненко. За Кучму уверенно проголосовали все области запада Украины, в то время как на юге и востоке конкуренты «сыграли вничью»⁸³ и разрыв голосов между ними был невелик.

Успех на выборах позволил Кучме предпринять ряд шагов по укреплению своей власти. Прежде всего на сторону победителей перебежала часть депутатов Рады, что вскоре позволило президентской администрации благодаря ряду закулисных маневров⁸⁴ добиться изменения баланса сил в парламенте. В январе 2000 г. в Верховной раде было объявлено о создании проправительственной коалиции парламентского большинства во главе с Кравчуком, в которую вошел 241 депутат. Коалиция потребовала отставки Ткаченко и Мартынюка, но встретила противодействие левых, закончившееся потасовкой. В конце концов, левые были отстранены от власти в Раде, новым председателем стал Плющ, его первым заместителем — Медведчук, вторым — Степан Гаврыш из донецкой фракции «Возрождение регионов». Кучма же, воспользовавшись парламентским кризисом, предпринял попытки изменить конституцию страны и объявил о проведении общенационального референдума. На него предлагалось вынести шесть вопросов:

- о недоверии парламенту (голосование «за» по этому вопросу привело бы к роспуску Верховной рады);
- о принятии новой конституции посредством референдума;

⁸³ Толтыго А. Интерпретация... С. 132–133.

⁸⁴ Уилсон Э. Новая виртуальная политика Украины // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2001. № 3. С. 32–38; Wilson A. Virtual Politics.

- о праве президента распускать парламент, если тому не удастся сформировать парламентское большинство в течение месяца или принять бюджет в течение трех месяцев;
- о лишении неприкосновенности депутатов Верховной рады, против которых возбуждено уголовное дело;
- о сокращении численности Верховной рады с 450 до 300 депутатов;
- о введении в стране двухпалатного парламента.

Все эти предложения были направлены на ослабление позиций Рады, и потому, несмотря на раскол в парламенте, они встретили единодушный жесткий отпор со стороны депутатского корпуса, да и со стороны всей украинской элиты. Кучму обвиняли в создании путем референдума режима личной власти, подобного созданному Лукашенко в соседней Беларуси после референдума 1996 г. Поступила угроза приостановить членство Украины в Совете Европы. Кучме возразил и Конституционный суд, объявив вопросы референдума о недоверии парламенту и о принятии новой конституции на референдуме противоречащими Основному закону страны.

Столкнувшись с сопротивлением, Кучма отыграл назад: 16 апреля 2000 г. на референдум были вынесены лишь четыре вопроса, и при явке 79% подавляющее большинство избирателей (от 81 до 90%) ответили на них «да». Несмотря на то что итоги референдума стали убедительной личной победой Кучмы, они не привели ни к изменениям конституции, ни к изменению взаимоотношений президента с парламентом. Последнее слово при принятии решений все равно оставалось за Радой, и здесь Кучма не имел шансов добиться своего.

Парадоксально, но ни парламентский кризис, ни референдум не помешали Украине серьезно продвинуться по пути экономических реформ. Еще в декабре 1999 г. депутаты Верховной рады отвергли кандидатуру Пустовойтенко в качестве кандидата на пост премьер-министра, и тогда Кучма предложил назначить новым главой кабинета Виктора Ющенко, заслуженно имевшего репутацию либерального реформатора. Он получил поддержку большинства депутатов и включил в свой кабинет несколько новых фигур, в том числе вице-премьеров Юлию Тимошенко и Юрия Еханурова.

При правительстве Ющенко Украина впервые в постсоветской истории смогла принять бездефицитные бюджеты на 2000 и 2001 гг., а также запустить первую полномасштабную программу приватизации крупных предприятий. Правительству удалось провести через Раду проект снижения налогов; начиная с 2000 г. в стране наметил-

ся экономический рост.⁸⁵ Казалось бы, ситуация в Украине начала стабилизироваться, но... тут грянул «кассетный скандал».

В сентябре 2000 г. в Киеве внезапно исчез издатель интернет-газеты «Украинская правда»⁸⁶ Георгий Гонгадзе, известный своими резкими выступлениями против Кучмы и разоблачениями коррупции в высших эшелонах власти. Спустя два месяца его обезглавленное тело было обнаружено под Киевом, после чего Мороз заявил в Раде о том, что Гонгадзе был убит по приказу Кучмы при участии министра внутренних дел Юрия Кравченко и главы администрации президента Владимира Литвина. Главным аргументом в пользу этих обвинений послужили записи разговоров Кучмы, Литвина и Кравченко, втайне сделанные сотрудником президентской охраны майором Николаем Мельниченко.⁸⁷

Хотя все официальные лица отрицали подлинность этих записей и причастность руководителей страны к убийству журналиста, скандал дал старт кампании протеста: в декабре 2000 г. начались массовые акции движения «Украина без Кучмы» с требованием отставки президента и силовиков из его окружения, которые были поддержаны как левыми, так и национал-демократами. Именно тогда оппозиция, провозгласившая себя Фронтом национального спасения, впервые опробовала тот репертуар действий (включая и регулярный палаточный лагерь на Майдане Незалежности), который стал известен всему миру в дни «оранжевой революции».

Кучма со своей стороны предпринял ответные шаги против оппозиции. Девятого марта 2001 г. наиболее крупная акция «Украины без Кучмы», собравшая в годовщину рождения Тараса Шевченко до 10 тысяч участников, была разогнана милицией, а многие ее участники оказались избиты и арестованы. Верный своему подходу, Кучма применил не только «кнут», но и «пряник»: он отправил в отставку министра внутренних дел и главу службы безопасности, чего добивалась «Украина без Кучмы», и начал переговоры с протестующими. После этого длившиеся несколько месяцев акции протеста медленно, но верно стали сходить на нет.⁸⁸

Как и в прежние моменты кризисов, жертвой политического конфликта вновь стало правительство, но на сей раз не из-за

⁸⁵ Украина; Wilson A. Ukraine's Orange Revolution.

⁸⁶ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravda.com.ua>.

⁸⁷ Арель Д. «Кучмагейт» и конец украинского геополитического блефа // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. № 3. С. 26–31; Дарден К. Шантаж как орудие государственного господства: Украина при Кучме // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. № 3. С. 39–42.

⁸⁸ Украина; Wilson A. Ukraine's Orange Revolution.

провалов в экономике, а, напротив, из-за того, что оно оказалось наиболее успешным украинским кабинетом министров, а Ющенко — наиболее популярным политиком страны. Дело в том, что в рамках «двуглавой» модели исполнительной власти в президентско-парламентской системе глава государства не заинтересован в наличии сильного и политически автономного кабинета министров, руководитель которого способен бросить вызов на президентских выборах ему или его ставленнику. По сходным мотивам Ельцин в 1999 г. отправил в отставку другого успешного премьер-министра — Евгения Примакова.

Кучма, однако, не стал действовать лично: отставка кабинета Ющенко состоялась в апреле 2001 г. по инициативе коммунистов и близких к олигархам фракций Верховной рады (решающую роль в этом процессе играл Медведчук), в то время как президент просто «умыл руки». Еще ранее, в феврале 2001 г., Тимошенко была арестована по обвинению в контрабанде газа и в уклонении от уплаты налогов в свою бытность главой «Единых энергетических систем Украины». Спустя несколько месяцев ее выпустили из тюрьмы, но вскоре вновь обвинили — теперь уже в коррупции на посту вице-преьера.⁸⁹

После отставки Ющенко МВФ и Мировой банк объявили о замораживании выделенных Украине кредитов, опасаясь прихода к власти правительства, которое вновь проводило бы политику в интересах олигархических кланов. Фракции Рады вели активный «торг» с Кучмой, продвигая своих кандидатов на пост премьера (в частности, одним из таких кандидатов являлся Тигипко), но Кучма неожиданно предложил в качестве главы кабинета Анатолия Кинаха, главу Союза промышленников и предпринимателей Украины, не связанного ни с одной из группировок. После того как Рада утвердила его на этом посту в мае 2001 г., Кинах пообещал «не переводить стрелки часов» и продолжить курс кабинета Ющенко, многие члены которого сохранили свои посты.

Тем временем приближались выборы нового состава Верховной рады, намеченные на март 2002 г. Накануне выборов депутаты большинства фракций ратовали за переход от смешанной избирательной системы к пропорциональной, но Кучма неоднократно накладывал вето на изменения избирательного закона. Поэтому правила выборов не подверглись серьезным изменениям: реформу избирательной системы решили отложить до выборов 2006 г.

Ход и результаты кампании вновь продемонстрировали слабость партийной системы Украины: высокую фрагментацию, не-

---

⁸⁹ Украина; *Wilson A. Ukraine's Orange Revolution.*

способность к коалиционной политике и неустойчивость предпочтений избирателей, которая была вызвана постоянной сменой состава участников выборов. Немалую роль сыграло и закулисное влияние президентской администрации с ее «административным ресурсом».

Кучме удалось примирить на время представителей донецкого и днепропетровского кланов и сформировать рыхлую пропрезидентскую коалицию «За единую Украину», к которой примкнул Кинах. Одновременно лояльную президенту СДПУ(о) пытались отеснить на периферию: Медведчук накануне выборов был смещен с поста вице-спикера Рады, а против сына Кравчука оказалось возбуждено уголовное дело. Национал-демократы объединились в созданный под эгидой Ющенко блок «Наша Украина», но при этом союз с крайне радикальным Конгрессом украинских националистов был отвергнут: небольшая прибавка голосов на Западе Украины могла бы стоить Ющенко потери поддержки на Юге и Востоке страны. Свой блок на основе Фронта национального спасения создала и Тимошенко («Блок Юлии Тимошенко»). КПУ и СПУ не смогли найти общий язык и пошли на выборы по отдельности наряду с многочисленными малыми партиями самой разной ориентации.

По итогам голосования «Наша Украина» получила 23,6% голосов, КПУ — 20, «За единую Украину» — 11,8, «Блок Юлии Тимошенко» — 7,3, СПУ — 6,9 и СДПУ(о) — 6,3%. С учетом голосования в одномандатных округах наиболее крупной фракцией стала «За единую Украину» (она добилась 112 мандатов), у «Нашей Украины» было 101 место, у КПУ — 65, 24 места отошло к СДПУ(о), СПУ получил 23 места, а «Блок Юлии Тимошенко» — 22.⁹⁰ Однако благодаря тому, что к блоку «За единую Украину», которую наблюдатели рассматривали как новую «партию власти», аналог «Единой России», примкнули едва ли не все независимые депутаты, ее численность «разбухла» в конечном счете до 175 депутатов. Другая пропрезидентская партия — СДПУ(о) смогла довести численность своей фракции до 34 человек.

Таким образом, партии, вместе собравшие на выборах по партийным спискам чуть более 18% голосов, контролировали почти половину всех депутатских мандатов. Но поскольку и этого не хватало для получения большинства в Раде, администрация Кучмы прибегла к тактике раскола противников из «Нашей Украины», используя своих «засланных казачков», или, как их называл Эндрю Уилсон, «кукушек», которые вылупляются из яиц, заранее поло-

⁹⁰ Уилсон Э. Выборы 2002 года на Украине: меньше обмана и больше виртуальности // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2002. № 4. С. 49–55; Wilson A. Virtual Politics.

женных в чужие гнезда.⁹¹ Благодаря перебежчикам — семерым из «Нашей Украине» и двум из КПУ — в ряды «партии власти» удалось сформировать пропрезидентское большинство, обеспечившее избрание спикером Верховной рады Литвина (на посту главы президентской администрации его сменил Медведчук). Оппозиция в качестве утешительного приза получила посты председателей ряда парламентских комитетов.

Поскольку оппозиции не удалось добиться победы на выборах и в парламенте, вновь стал набирать силу уличный протест. Шестнадцатого сентября 2002 г., во вторую годовщину исчезновения Гонгадзе, стартовала акция «Восстань, Украина!», ознаменовавшаяся митингами с требованиями отставки Кучмы и его привлечения к уголовной ответственности. Акция, в которой приняли участие до 30 тыс. человек в Киеве и до 100 тыс. человек в других частях страны, была организована совместно коммунистами, социалистами и «Блоком Юлии Тимошенко». Кампания продолжалась до ноября, но, как и предыдущие акции такого рода, успеха не имела.

Хотя Ющенко и «Наша Украина» присоединились к протестующим, они не поддержали требований отставки Кучмы, а призвали вместо этого к формированию нового парламентского большинства, свободного от влияния президентской администрации. Эти маневры были вызваны новым раундом борьбы внутри проправительственного лагеря. Блок «За единую Украину» распался на несколько конкурирующих фракций, созданных на базе региональных кланов, которые опасались усиления влияния Медведчука и связанных с ним группировок. Ющенко, также находившийся в состоянии острого конфликта с Медведчуком, пытался заручиться поддержкой части элит (включая Партию регионов Украины, представлявшую донецкий клан), дабы вернуться на пост премьер-министра после состоявшейся в ноябре 2002 г. отставки Кинаха. Ставки в борьбе за пост главы кабинета были очень высоки, поскольку менее чем за два года до президентских выборов премьер-министр становился самым сильным кандидатом в президенты Украины, получавшим доступ к «административному ресурсу».

Кучма после некоторых раздумий предпочел из четырех кандидатов выбрать губернатора Донецкой области Виктора Януковича. Сделав выбор в пользу донецкого клана, президент тем самым смог изолировать самого популярного политика страны Ющенко, не допустив его альянса с донецким кланом. А кроме того, Куч-

⁹¹ Уилсон Э. Выборы 2002 года на Украине: меньше обмана и больше виртуальности // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2002. № 4. С. 54–55; Wilson A. Virtual Politics.

ма создал своего рода противовес заметно усилившемуся влиянию группировки во главе с Медведчуком.⁹²

На этом предвыборные маневры, однако, не закончились. По инициативе Медведчука Кучма, стремясь минимизировать риски смены власти, незадолго до истечения второго срока своего правления инициировал новую попытку институциональных изменений. Верховной раде было предложено внести пакет поправок в конституцию Украины, предусматривавших перераспределение полномочий от президента к премьер-министру, подотчетному парламентскому большинству. То есть Кучма инициировал замену президентско-парламентской системы правления (подобной существующей в России и большинстве других стран СНГ) на премьер-президентскую систему,⁹³ которая характерна для Франции или Польши. Иначе говоря, Кучма предложил то, на чем в течение десятилетия настаивали левые партии.

Но эти планы потерпели неудачу, причем не только из-за сопротивления со стороны «Нашей Украины» и «Блока Юлии Тимошенко», сплотившихся вокруг Ющенко. Против реформы выступили и сторонники донецкого клана, поскольку Янукович не без оснований мог рассчитывать на победу на предстоящих президентских выборах, а следовательно, он не намерен был делиться будущей властью с парламентом.⁹⁴ Этот расчет оказался ошибочным, но объяснимым: в условиях высокой неопределенности политики обычно склонны мыслить ретроспективно, подобно генералам, готовящимся к прошедшей войне. Так или иначе, у Кучмы не осталось путей к отступлению, и он согласился на то, чтобы поддержать Януковича как своего единственно возможного преемника.

1.3. «Разом нас богато»?

Накануне президентских выборов, назначенных на 31 октября 2004 г., диспозиция, казалось бы, складывалась в пользу Януковича. Аргументом в его пользу выступал беспрецедентный экономический рост, достигший в 2004 г. 12% (самый высокий показатель в СНГ). Этот рост давал премьеру возможности для предвыборного повышения пенсий и зарплат.

⁹² Ukraine // East European Constitutional Review. 2002. Vol. 12. N 4; 2003. Vol. 13. N 1. P. 58–61

⁹³ Shugart M., Carey J. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge: Cambridge University Press. 1992.

⁹⁴ Портников В. Указ. соч.

Помочь Януковичу была призвана и поддержка со стороны части кланов, лояльность которых оказалась оплачена, в том числе и путем предвыборного перераспределения собственности. Самый большой резонанс в этой связи получила продажа металлургического гиганта «Криворожсталь» по заведомо заниженной цене (\$800 млн) фирме, принадлежавшей зятю Кучмы Пинчуку и лидеру донецкого клана, владельцу футбольного клуба «Шахтер» Ринату Ахметову. При этом российский концерн «Северсталь» был исключен из участия в конкурсе.

Наконец, на стороне Януковича была открытая и активная (если не сказать навязчивая) поддержка со стороны России и лично президента Владимира Путина, уровень симпатий к которому в Украине был очень высок. Российские власти стремились добиться победы Януковича вовсе не потому, что он был пророссийским кандидатом: та же история с «Криворожсталью» скорее характеризует его политику как антироссийскую. Делая однозначную ставку на него как на преемника Кучмы, Кремль тем самым выступал в поддержку не столько самого кандидата, сколько механизма преемственности режима, не допуская смены власти в результате поражения на выборах.⁹⁵

Почему же выборы имели «опрокидывающий» характер? Отчасти их исход стал следствием тактических просчетов администрации Кучмы и предвыборного штаба Януковича, который возглавлял председатель Национального банка Украины Тигипко. Не вызывает сомнения также то, что кандидатура Януковича была, мягко говоря, непривлекательной. Он имел много противников не только потому, что в молодости был судим по «тяжкой» статье, но и потому, что приход к власти донецкого клана (чей стиль борьбы за собственность и власть также ассоциировался с жестокими «разборками»)⁹⁶ вряд ли устраивал значительную часть украинских элит и украинского общества.

Впрочем, помимо сугубо ситуативных обстоятельств «оранжевая революция» стала возможной в силу наличия более фундаментальных политических факторов. Хотя потенциал основных претендентов на украинских президентских выборах 2004 г. — Ющенко и Януковича — был сопоставим между собой, избирательная кампания отличалась явной асимметрией. Территориальной базой поддержки Януковича на выборах был восток, прежде всего Донецкая и Луганская области, которые к тому же в бытность его

⁹⁵ *Портников В.* Указ. соч.; *Wilson A.* Ukraine's Orange Revolution.

⁹⁶ *Wilson A.* Ukraine's Orange Revolution.

премьер-министром страны получили существенную финансовую поддержку из бюджета Украины. В свою очередь, лагерь Ющенко обладал поддержкой Запада и электорально сходного с ним Киева. В этом отношении раскол как будто дублировал прежнее размежевание Востока и Запада Украины, но при этом произошло заметное смещение баланса массовой поддержки в пользу Центра по отношению к периферии. Ющенко смог мобилизовать бульшую поддержку избирателей в городах Востока (прежде всего в Харькове), в то время как влияние периферии географически заметно сузилось.⁹⁷

На политическом уровне асимметрия заключалась в том, что вокруг Ющенко сформировалась довольно пестрая коалиция разных партий и групп интересов, объединенная скорее по принципу негативного консенсуса в отношении избрания Януковича президентом. К ней примкнули и некоторые олигархи, обделенные при перераспределении собственности и/или рисковавшие ее потерять в случае прихода к власти Януковича и донецкого клана. Среди таких олигархов были, в частности, Давид Жвания и «сахарный король» Петр Порошенко — владелец «Пятого канала», единственной телевизионной станции Украины, поддержавшей Ющенко. Важно, однако, что эта коалиция носила *политический* характер: в нее входили влиятельные сегменты элит (под занавес кампании в команде Ющенко было девять бывших вице-премьеров правительства, два бывших спикера Верховной рады и т. д.), способные и к кооперации, и к мобилизации масс. Напротив, Янукович возглавлял *административную* коалицию; хотя на его стороне и выступали некоторые малые партии, но на выборах главным средством мобилизации служила почти исключительно опора на государственный аппарат и находящиеся под его контролем средства массовой информации.

Такой характер кампании мог принести успех административной коалиции лишь при одновременном выполнении двух условий: во-первых, в случае многократного преобладания всех видов ресурсов; во-вторых, в случае поддержки статус-кво если не всеми, то большинством значимых игроков. Успешным примером подобного рода с точки зрения выживания режима может служить обеспечение преемственности власти в России в ходе электорального цикла 1999–2000 гг.⁹⁸ Однако уже первый тур голосования показал, что второе условие заведомо не соблюдается. Дело было не только в том, что в первом туре Ющенко, по официальным данным, получил 39,87%

⁹⁷ Оранжевая революция / Под ред. М. Погребинского. М.: Европа, 2005. С. 259–269; Clem, Craumer. *Shades of Orange*.

⁹⁸ Второй электоральный цикл в России. 1999–2000 гг. / Под ред. В. Гельмана, Г. Голосова, Е. Мелешкиной. М.: Весь мир, 2002.

голосов против 39,32 — у Януковича. Важнее другое: после первого тура в лагерь Ющенко перешли некоторые влиятельные украинские политики, включая Кинаха и Мороза; даже коммунисты призвали во втором туре выборов голосовать против всех кандидатов, что в контексте кампании означало сужение поддержки Януковича.

Янукович, несмотря на тотальное преобладание в большинстве СМИ, напомиравшее российскую кампанию по переизбранию Ельцина в 1996 г., оказался не способен выполнить и первое условие. Даже «вертикаль власти» на уровне назначаемых губернаторов областей принесла ему не слишком много пользы. Поскольку в ряде регионов независимо от административного давления симпатии избирателей были не на стороне Януковича, губернаторы, чье назначение теперь уже зависело от нового президента, имели мало стимулов для поддержки официального преемника Кучмы. В ситуации неопределенности исхода голосования терять им было уже нечего. Напротив, в ряде случаев они явно или неявно оказывали поддержку лагерю оппозиции (симптоматично, что в такой роли выступил, например, мэр Киева Омельченко, не препятствовавший публичным проявлениям протеста). По этой же причине рвение в обеспечении успеха Януковича проявляли губернаторы именно тех регионов, где поддержка Ющенко была и без того низкой. Парадоксальным образом назначенные «сверху» губернаторы в условиях конкурентных выборов президента Украины оказались куда более подотчетными населению, нежели выборные губернаторы в условиях неконкурентных федеральных выборов в России 2003–2004 гг.

Некоторые российские наблюдатели после украинских выборов говорили о том, что голосование на них было настолько свободным, насколько это вообще возможно на постсоветском пространстве.⁹⁹ Такая постановка вопроса предполагает, что выборы в постсоветских странах, призванные обеспечить преемственность власти и режима, заведомо не могут соответствовать стандартам свободных и справедливых выборов, присущих демократическим режимам. Однако масштабы этих отклонений от стандартов в условиях различных гибридных режимов существенно различаются между собой.

Так, для федеральных выборов в России 2003–2004 гг. были характерны «мягкие» ограничения электоральной конкуренции, включая несправедливый характер освещения кампании в СМИ, неравный доступ кандидатов и партий к политическому финансированию, использование в целях выборных кампаний государствен-

⁹⁹ См., например: *Кувалдин В.* Выступление на семинаре в Московском центре Карнеги 9 декабря 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.carnegie.ru/ru/pubs/media/71843.htm

ных средств и пристрастное рассмотрение споров между участниками выборов. В то же время ряд режимов «доминирующей власти» от Беларуси до Казахстана прибегают к «жестким» ограничениям электоральной конкуренции, предполагающим исключение оппозиции из предвыборной борьбы и массовые фальсификации.¹⁰⁰

Поскольку «мягкие» ограничения электоральной конкуренции уже не могли обеспечить преемственность украинского режима, правящей группировке пришлось прибегнуть к «жестким» ограничениям (в данном контексте, вероятно, можно рассматривать и историю с отравлением Ющенко накануне выборов, несмотря на отсутствие прямых доказательств того, что это было именно отравление). Конечно, если бы в результате применения такого рода мер Янукович по итогам выборов набрал бы, скажем, 70% голосов, подобно Путину на выборах 2004 г. в России, режим мог бы успешно обеспечить преемственность. Но в условиях открытой конкурентной борьбы с примерно равными шансами кандидатов на успех именно применение «жестких» ограничений стало детонатором краха режима. «Рецепты» продления жизни, которые «выписывали» себе и другим режимы «доминирующей власти», оказались губительными для «бесформенного плюрализма».

Скорее всего, никто и никогда не узнает истинных результатов второго тура голосования на украинских выборах 21 ноября 2004 г.; но никто и не сомневается в том, что их результаты были подтасованы. Утверждения, будто фальсификации имели место с обеих сторон, возможно, не лишены оснований, но Центризбирком большинством голосов объявил официальным победителем выборов Януковича (49,46% голосов против 46,61 — у Ющенко), не желая считаться с протестами оппозиции. Поскольку силы кандидатов были в общем-то равны, но методы борьбы никак нельзя было назвать корректными, то такое решение вынуждало оппозицию либо смириться и потерять все шансы на успех, либо рискнуть и прибегнуть к средствам уличного протеста.

По свидетельству обозревателя радио «Свобода» Виталия Портникова, в первые часы после предварительного объявления Центризбиркомом итогов второго тура протест сторонников Ющенко на Майдане Незалежности был стихийным и слабо управлялся оппозицией, в то время как правящая группа не принимала эти акции всерьез.¹⁰¹ Однако по мере того, как оппозиция постепенно брала в свои руки процесс мобилизации масс и обеспечивала для этого

¹⁰⁰ Гельман В. Уроки украинского; см. также: Fish Steven M. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 54–61.

¹⁰¹ Портников В. Указ. соч.

соответствующую инфраструктуру, инициатива все больше переходила на ее сторону, и в итоге правящая группа оказалась в тупике. В подобных случаях «размер имеет значение», поскольку масштабы массовой мобилизации сторонников оппозиции в считанные дни превзошли границы возможностей силового подавления протеста. Адам Пшеворский приводит в этой связи приписываемые шефу госбезопасности ГДР Эриху Мильке слова, якобы сказанные им своему тезке Хонеккеру перед падением Берлинской стены в ноябре 1989 г.: «Эрих, мы не сможем побить сотни тысяч людей».¹⁰² Те же самые слова, вероятно, мог бы в ноябре 2004 г. сказать и Кучма Януковичу, который, насколько известно, наряду с Медведчуком выступал сторонником силового варианта разрешения конфликта.¹⁰³

Уничтожение политических противников само по себе не являлось проблемой для режима; никто не сомневался в том, что представители правящей группы могли убить Гонгадзе или отравить Ющенко, но попытка применения силы против сотен тысяч манифестантов в центре Киева грозила Кучме слишком серьезными последствиями при любом исходе подобной акции. В результате возник «критический момент», после которого угроза наказания сторонников оппозиции резко снизилась.¹⁰⁴ Это повлекло за собой цепную реакцию «оранжевой революции» в Киеве и по всей стране. В те дни своего рода гимном протеста, обозначившим настроение на Майдане, стала песня рок-группы из Ивано-Франковска *Greenjolly* «Разом нас багато» («Вместе нас много»), которая сопровождалась припевом в стиле рэпа:

Фальсификациям — ни!
Махинациям — ни!
По понятиям — ни!
Ни — брехни!
Ющенко — так!
Це наш президент!..
Мы — не быдло, мы — не козлы,
Мы — Украины доньки и сыны!

Воспользовавшись замешательством правящей группы, оппозиция прибегла к успешной тактике блокады правительственных учреждений, вынуждая Кучму и Януковича делать ответные ходы. Попытка

¹⁰² Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reform in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 64

¹⁰³ Wilson A. Ukraine's Orange Revolution.

¹⁰⁴ Штыков П. Деконструкция революции // Повороты истории: постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей / Под ред. П. Штыкова, С. Шваница. Т. 2. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. С. 281–283.

встречной мобилизации прибывших в Киев сторонников Януковича из восточных областей Украины провалилась, несмотря на сопоставимость масштаба этой акции с действиями оппозиции. Во-первых, она опиралась на чисто административный механизм, а не на политические структуры (у работников предприятий забирали паспорта и свозили автобусами в Киев). Во-вторых, пространство столицы уже было оккупировано оппозицией и рекрутам правящей группы в центре Киева не находилось места не только фигурально, но и физически. В-третьих, наконец, в контексте конфликта центра и периферии более высокий культурный капитал Киева, выступавшего на стороне оппозиции, служил не последним ресурсом протеста. Если даже стоявшие на Майдане киевские и львовские студенты не представляли большинство Украины (как москвичи, вышедшие в августе 1991 г. к Белому дому не представляли большинство россиян), то их потенциал был куда выше, чем у донецких шахтеров. Для первых успех протеста казался шансом самим построить свое будущее, последние же при любом исходе конфликта не имели собственных перспектив.

Неудивительно, что правящая группа, будучи неспособной добиться успеха на уровне массовой политики, уже к исходу первой недели противостояния прибегла к шантажу на уровне элит. Их попытка инициировать создание объединения поддержавших Януковича областей востока и юга Украины и провести соответствующие референдумы об автономии этих территорий вряд ли была рассчитана на реализацию. Донецкие и днепропетровские олигархи не хотели разделить участь никем не признанных лидеров Абхазии и Приднестровья или быть поглощенными своими куда более могущественными российскими соседями (которые в лице Юрия Лужкова патронировали эту акцию). Скорее такой шаг (напоминавший аналогичные действия союзных властей в той же Абхазии или в Приднестровье в ходе распада СССР в 1990–1991 гг.) был призван не допустить односторонней победы оппозиции в случае, если бы последняя смогла захватить власть в Киеве. На практике реализация такого сценария могла означать своего рода «войну всех против всех».

Исход борьбы зависел от стратегии противоборствующих сторон: кто первым сдастся и откажется от своих требований? На этом, вероятно, и строился расчет Януковича и его команды, отказавшихся от переговоров с представителями оппозиции, ссылаясь на то, что утвержденные Центризбиркомом результаты выборов не подлежат пересмотру под давлением стороны, объявленной проигравшей. Сходную позицию занимали и российские власти, официально признавшие Януковича победителем выборов. В данном случае, однако, имело место противоречие между принципом *законности* (официальным признанием итогов вы-

боров украинским и российским государством) и принципом *легитимности* (т. е. непризнанием итогов выборов более чем половиной украинских граждан и почти всеми странами, находящимися за пределами постсоветского пространства). Сходное противоречие, кстати, отмечалось и в ходе конфликта сентября-октября 1993 г. в России.¹⁰⁵

Противоречие легитимности и законности имело значение для Кучмы, в любом случае уходившего с политической сцены Украины. Ему необходимо было обеспечить свою дальнейшую судьбу с минимальными потерями. Поэтому по мере того, как противостояние затягивалось, давление «снизу» (со стороны протестующего Майдана) и извне (со стороны Запада) вело к тому, что Кучма рисковал проиграть независимо от исхода конфликта. Не случайно поэтому именно Кучма первым обратился с просьбой о посредничестве на переговорах к президенту Польши Александру Квасьневскому; обращение со стороны Ющенко последовало вторым.

Из подробного описания переговоров, представленного в интервью Квасьневского,¹⁰⁶ видно, что все участники конфликта стремились избежать силового варианта. Но в то время как Янукович настаивал на признании статус-кво, предлагая Ющенко в качестве «отступного» пост премьер-министра, сам Ющенко настаивал на аннулировании фальсифицированных итогов второго тура голосования. Формально являвшийся посредником на переговорах со стороны России и фактически представлявший интересы Януковича спикер российской Государственной думы Борис Грызлов пытался оспорить это решение, говоря о нарушениях, имевших место на выборах со стороны не только Януковича, но и Ющенко. На деле же Грызлов попал в ловушку, так как апелляция к принципу законности обернулась против сохранения статус-кво: одна сторона конфликта тем самым признавала на переговорах, что нарушения закона в ходе выборов не позволили с достоверностью установить результаты волеизъявления избирателей. Следовательно, результаты второго тура голосования необходимо было признавать недействительными.¹⁰⁷

К отмене итогов второго тура голосования под давлением европейских посредников и спикера Рады Литвина вынужден был склониться и Кучма. Его попытка добиться пересмотра итогов не толь-

¹⁰⁵ Митрохин С. Ельцинский переворот и проблема легитимности в современной России // Очерки российской политики / Под ред. В. Гельмана. М.: ИГПИ, 1994. С. 31–33.

¹⁰⁶ Кшеминский А., Островский М. Киевская миссия: президент Польши Александр Квасьневский рассказывает о закулисе «круглого стола» на Украине // Polityka. Польша. 21 декабря 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.igrunov.ru/topic/ukr_elections/1103809716.html (доступ 28 марта 2006).

¹⁰⁷ Кшеминский А., Островский М. Указ. соч.; Wilson A. Ukraine's Orange Revolution.

ко второго тура, но и выборов в целом (что означало бы продление срока полномочий Кучмы, а также новое выдвижение кандидатов и возможность поиска иного преемника — такую роль мог сыграть Тигипко) носила скорее характер тактического маневра. В итоге Верховный суд Украины под воздействием небывалой прежде гласности (судебное заседание впервые в постсоветской истории транслировалось в прямом эфире) аннулировал итоги второго тура и открыл дорогу повторному голосованию. В том, что при таком исходе победу одержит Ющенко, в ходе переговоров не сомневался никто.¹⁰⁸

В то же время по итогам переговоров была достигнута договоренность о проведении конституционной реформы, которой сам Кучма безуспешно добивался накануне выборов. Она открывала дорогу к политическому выживанию не столько самого Кучмы, сколько связанных с ним кланов. Для Ющенко же потери были не столь велики с учетом того, что, согласно решению Рады, реформа вступала в силу лишь с 1 января 2006 г. Лишь сторонники Тимошенко не только выступили против конституционной реформы, но и пытались договориться со сторонниками Януковича о том, чтобы совместно провалить ее в Раде.¹⁰⁹ Однако поскольку дезертирство из лагеря Януковича началось сразу после соглашения Кучмы и Ющенко еще до решения Верховного суда, то сопротивляться реформе было уже попросту некому (на деле ее противником выступал лишь Кремль). Сторонникам Тимошенко оставалось лишь следовать за караваном победителей в расчете на дивиденды по итогам победы Ющенко; эта стратегия себя оправдала.

Результаты «третьего тура» выборов 26 декабря 2004 г. подтвердили эти договоренности, заодно устранив и противоречие между легитимностью и законностью. Ющенко уверенно победил (52% голосов против 44,2 — у Януковича). Оппозиция пришла к власти в результате выборов мирным путем; тем самым Украина успешно прошла минимальный двукратный тест демократической смены власти.¹¹⁰ Итогом конфликта стали формирование компромисса элит и принятие ими новых «правил игры», что является довольно редким примером не только на постсоветском пространстве, но и в сравнительной исторической перспективе.¹¹¹

Впрочем, срок жизни «оранжевой» коалиции, сплотившейся вокруг Ющенко в ходе президентских выборов, оказался недолгим.

¹⁰⁸ Кшеминский А., Островский М. Указ. соч.; Wilson A. Op. cit.

¹⁰⁹ Портников В. Указ. соч.

¹¹⁰ Huntington S. Op. cit. P. 266–267.

¹¹¹ Higley J., Burton M. Elite Transformations in Democratization's Three Waves. Paper presented to IPSA Congress. Quebec. August 2000.

Всех этих политиков объединил на время лишь общий враг в лице тандема Кучмы и Януковича, но не общее видение политики: в «оранжевых» рядах были и либералы во главе с Ющенко, и левые популисты во главе с Тимошенко. К тому же за лидерами коалиции стояли не сплоченные идеологией партии, а личные клиентелы.

После избрания президентом перед Ющенко встал нелегкий выбор. Он не мог, подобно Ельцину в 1991 г., сформировать правительство страны как команду единомышленников по своему личному усмотрению. Но он и не хотел, подобно Кучме, назначать «технический» кабинет министров. Новые назначения оказались политическими. Посты получили все видные участники «оранжевой революции»: от премьер-министра Тимошенко до секретаря Совета безопасности Порошенко. Такое решение принесло краткосрочный успех, но не позволило новой украинской власти создать устойчивую политическую конструкцию.

Главную роль здесь сыграл фактор времени: приближение намеченных на март 2006 г. парламентских выборов. Если бы эти выборы прошли сразу после победы Ющенко, вероятнее всего, единый список «оранжевых» мог получить на них большинство, сформировав более сплоченное и дееспособное правительство. Если бы выборы, наоборот, удалось отложить на несколько лет, правительству пришлось бы вести осмысленную согласованную политику. Но за год до дня голосования ситуация для всех участников украинской политики выглядела крайне неопределенной.

В «оранжевом» стане начались предвыборные маневры, когда одни члены коалиции пытались исключить из ее состава других. Популизм в такой ситуации затронул всех лидеров страны, включая и Ющенко, который демонстративно объявил о ликвидации известной своей коррумпированностью Госавтоинспекции. К тому же злую шутку с «оранжевыми» сыграло и состояние украинской экономики. Накануне выборов и без того не слишком сильные стимулы к проведению болезненных структурных реформ оказались совсем исчерпанными. Политики руководствовались принципом «от добра добра не ищут».¹¹² Если правительство Януковича оставило в наследство «оранжевой» коалиции дефицит бюджета страны на 2005 г. в \$3,7 млрд, вызванный предвыборным повышением зарплат и пенсий, то при правительстве Тимошенко дефицит возрос до \$6,3 млрд. Тимошенко объявила о намерении пересмотреть результаты проведенной при Кучме приватизации около 3000 предприятий, что привело к снижению

---

¹¹² *Ослунд А.* Украина: от революции к эволюции // *Ведомости.* 2005. 14 сентября; *Aslund A.* The Economic Policy.

инвестиций и оттоку капитала.¹¹³ На практике, впрочем, пересмотр итогов приватизации носил локальный характер. Он ограничился Никопольским заводом ферросплавов и все той же «Криворожсталью», которая была продана на открытом конкурсе за \$4,8 млрд.

В этой ситуации темпы экономического роста упали до более чем скромных 2–3%. Органы власти Украины сотрясали скандалы, а попытки Ющенко найти компромисс между недавними соратниками по Майдану успеха не имели. Отчаявшись найти согласие среди прежних единомышленников, в сентябре 2005 г. Ющенко отправил в отставку всех участников «оранжевой» коалиции и вернулся к варианту «технического» правительства. На пост премьер-министра был назначен Ехануров, занимавший пост вице-преьера в бытность Ющенко главой правительства. Но Тимошенко, не без оснований рассчитывавшая на доминирующее положение в коалиции и на успех по итогам будущих выборов, с таким «разменом фигур» не согласилась. Ее блок заявил о переходе в оппозицию к президенту, одновременно предлагая Ющенко сотрудничество на своих условиях: расчет Тимошенко оказался оправданным. После серии переговоров Ехануров все же был утвержден Радой на посту премьера до назначенных на март 2006 г. парламентских выборов, после которых состав и курс кабинета министров стала определять уже Верховная рада.

По оценкам большинства участников и наблюдателей, выборы 2006 г. были свободными и справедливыми — ни одна значимая политическая сила не оспорила их результаты. В этом смысле они закрепили демократические завоевания «оранжевой революции». Но выборы не дали однозначных ответов на вопросы о политическом курсе Украины. Фрагментация на выборах, где конкурировали 45 партий, оказалась велика, и ни одной партии не удалось получить большинства в парламенте: Партия регионов Януковича получила 32,1% голосов и 186 мест в Раде, 22,3% оказалось у «Блока Юлии Тимошенко» (130 мест), «Нашей Украине» Ющенко досталось почти 14% (80 мест), 5,7% голосов было отдано за социалистов Мороза (33 места), менее 3,7% избирателей проголосовали за КПУ (21 место). Еще 40 мелких партий остались за бортом парламента, не преодолев 3%-ный барьер. Президенту, чья партия потерпела поражение на выборах (хотя перед голосованием опросы предсказывали ей второе место) пришлось согласиться на подчиненное положение «Нашей Украины» в составе новой правительственной коалиции. Наблюдатели, придерживавшие-

¹¹³ *Haran O., Burkovsky P.* Is Democracy Irreversible in Ukraine? Political Reconfiguration on the Eve of March 2006 Parliamentary Elections // PONARS Policy Memos. 2005. N 374. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.csis.org/media/csis/pubs/pm_0374.pdf (доступ 28 марта 2006).

ся разных взглядов, сходились на том, что в условиях премьер-президентской системы Украину может ждать чередование новых пестрых по составу, идеологически расплывчатых и оттого неустойчивых коалиционных правительств, непоследовательность политического курса и, возможно, рецидивы прежних кризисов управления страной. Несмотря на это, отказ от демократических норм, утвержденных в ходе «оранжевой революции», все же маловероятен.¹¹⁴ Означает ли это, что «бесформенный плюрализм», исключавший монополизацию власти в ходе постсоветской трансформации в Украине, станет долгосрочным проклятием украинской политики, обрекая страну на конфликты элит и на неэффективность управления?

Ответ на этот вопрос выглядит не столь очевидным при сравнении происходящего в Украине с событиями, имевшими место в ряде других стран, где происходили трансформации элит и политических режимов. Американские политологи Джон Хигли и Майкл Бартон отмечают, что однажды достигнутые пакты или соглашения элит ведут (и то не всегда) к демократизации лишь в тех странах, где элиты разделены на две противостоящие друг другу группировки — будь то Англия после «славной революции» XVII в. или Испания после Франко. Но там, где несколько линий конфликтов создают фрагментацию элит на манер «бесформенного плюрализма», процесс примирения порой занимает десятилетия. Он идет до тех пор, пока не осуществляется конвергенция элит и пока переход власти от одной партии к другой не перестает создавать угрозу смены режима в целом (примером такого затянувшегося примирения может служить Франция после Второй мировой войны, где этот процесс длился вплоть до 1981 г.).¹¹⁵

Подобный вариант развития событий нельзя исключить и для Украины. Но направленность процесса и темпы примирения элит во многом будут зависеть от влияния политических институтов. Пока что эффект, получаемый от их воздействия, можно оценить как двойственный: премьер-президентский механизм правления требует от Украины формирования сильных и устойчивых партий, тогда как пропорциональная избирательная система скорее подрывает их устойчивость. Ближайшие годы покажут, насколько успешным окажется становление демократических институтов Украины после «оранжевой революции».

¹¹⁴ См., например: *Игрунов В.* Украина после выборов: «оранжевая» коалиция не будет устойчивой, 30 марта 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.mail.ru/news.html?959036> (доступ 30 марта 2006); *Портников В.* С голубым или с оранжевой? 29 марта 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.grani.ru/Politics/World/Europe/Ukraine/m.103727.html> (доступ 30 марта 2006).

¹¹⁵ *Higley J., Burton M.* Op. cit.

Итак, почти 15 лет спустя после распада Советского Союза политический режим Украины все еще далек от консолидации. В отличие от большинства своих соседей по СНГ Украина не встала на путь формирования «доминирующей власти» и смогла избежать соблазнов авторитаризма. Но движение в сторону демократизации осуществлялось непоследовательно, во многом «по умолчанию», в отсутствие других значимых альтернатив, а оттого проходило и проходит крайне болезненно. Отступления и неудачи на этом пути неизбежны, тем более что процесс идет в условиях «бесформенного плюрализма», на фоне высокой фрагментации элит и слабости партийной системы.

Подобное развитие событий было присуще и Польше в начале 1990-х гг., после краха коммунистического режима. Однако польским политикам удалось провести «работу над ошибками»: после трех циклов выборов в стране сформировались вполне дееспособные партии и устойчивые правительства, а распавшийся после краха «Солидарности» лагерь бывших борцов за демократию смог обрести новых лидеров. Вполне возможно, что и украинские политики, пришедшие к власти на волне «оранжевой революции», после серий проб и ошибок смогут выйти на этот путь.

К тому же не стоит недооценивать принципиальный выбор в пользу европейского пути развития страны, который украинские элиты и украинские граждане сделали в ходе «оранжевой революции». Если этот выбор позволит Украине в ближайшее десятилетие добиться успехов на пути экономического роста и строительства демократических институтов, она повторит тот же путь интеграции, что в 1989 г. начали проходить ее соседи из стран Центральной и Восточной Европы. А принятие Украиной европейских «правил игры» станет решающим шагом на пути к поглощению Западом всего постсоветского пространства. Однажды свой выбор в пользу Европы сделает и Россия.

1.4. Украинские политики: штрихи к политическим портретам

Аппаратчик: Леонид Кравчук

Леонид Кравчук вошел в историю как первый президент Украины и фактически главный архитектор независимой украинской государственности в ходе распада СССР в 1991 г. Но более пристальное знакомство с фигурой Кравчука как «отца-основателя»

незалежной Украины заставляет скорее вспомнить высказывание Жванецкого: «Одно неосторожное движение — и вы уже отец». Кравчук сыграл свою роль в украинской политике благодаря стечению обстоятельств, а не личным качествам или проводимой им политике, и неудивительно, что он стал первым из постсоветских глав государств, покинувших свой пост в результате поражения на президентских выборах. Парадоксально, его личный проигрыш стал первой победой украинской демократии.

Кравчук родился в 1934 г. в селе Великий Житин Ровенской области, окончил Киевский государственный университет с дипломом преподавателя политэкономии и в течение трех десятилетий продвигался по карьерной лестнице идеологического работника в партийном аппарате — от лектора обкома до секретаря ЦК КПУ по идеологии. В отличие от большинства номенклатурных «технократов», таких как Ельцин или Назарбаев, Кравчук не имел опыта хозяйственного управления, да и позднее, в бытность президентом, мягко говоря, не очень много внимания уделял экономике. Зато он приобрел бесценное в условиях внезапных и быстрых преобразований умение колебаться вместе с «генеральной линией» партии. Еще в 1985 г. Кравчук, ответственный в украинском агитпропе за «контрпропаганду», написал книгу «В семье единой», воспевая роль Украины как младшего брата России в счастливой семье советских народов.¹¹⁶ Но уже в 1989 г. тонко чувствовавший конъюнктуру Кравчук выступил с официальным приветствием от имени КПУ на учредительном съезде движения Рух, а в июле 1990 г. на посту председателя Верховного совета Украины он подписал Декларацию о государственном суверенитете, провозглашавшую приоритет украинских законов над общесоюзными.

Поворотный пункт в карьере Кравчука произошел весной-летом 1990 г., когда он, будучи вторым секретарем ЦК КПУ, стал сначала депутатом Верховного совета Украины, а затем — его председателем (предшественник Кравчука Владимир Ивашко, возглавивший парламент сразу после выборов, был направлен в Москву на пост второго секретаря ЦК КПСС). В качестве спикера парламента Кравчук с одной стороны сталкивался с небольшой, но активной националистической оппозицией Руха, а с другой — с ориентированными на Москву импер-коммунистами, защищавшими единство трещавшего по швам Союза. В этой ситуации Кравчук избрал путь лавирования: он не выступал открытым сторонником

---

¹¹⁶ *Motyl A. J. Dilemmas of Independence: Ukraine after Totalitarianism.* New York: Council of Foreign Relations Press, 1993. P. 150.

ропуска СССР и не делал резких движений, подобно Ельцину, но взял на вооружение лозунг «суверенитета в составе Союза», позволявший ему упрочить собственное влияние в украинской политике. В дни августовского путча 1991 г. Кравчук занял осторожную выжидательную позицию, отказавшись открыто поддержать как Ельцина, так и ГКЧП. Зато сразу после провала путча настал его «звездный час»: воспользовавшись всеобщим замешательством, Кравчук инициировал провозглашение украинской независимости и запрет компартии, а вслед за этим предложил подтвердить независимость Украины на референдуме, совместив его с президентскими выборами, ранее назначенными на 1 декабря 1991 г. Иначе говоря, Кравчук выбил козыри из рук всех своих оппонентов: он перехватил лозунги националистов и возглавил движение Украины к независимости, получив поддержку со стороны и бывшей номенклатуры КПУ, и части сторонников националистов. Неудивительно, что ему легко далась победа на президентских выборах (61,6% голосов), а результаты референдума стали его личным триумфом.

После распада СССР лидеры бывших союзных республик оказались в ситуации, которую немецкий социолог Клаус Оффе назвал «дилеммой одновременности»:¹¹⁷ они вынуждены были одновременно создавать политические институты, проводить рыночные реформы в экономике и строить новые национальные государства. Большинство из них были не способны, да и не стремились решать все эти сложные задачи. Кравчук, сменивший догмы марксизма-ленинизма на доктрину независимости, не имел ни политической программы, ни средств и сил для ее реализации, сосредоточившись на придании Украиной атрибутов «настоящей» государственности, в то время как страна переживала гиперинфляцию, а правительство лишь «затыкало дыры», не проводя остро необходимых реформ. Ему не удалось даже создать свою политическую команду: прежние кадры были не способны управлять в новых условиях, а возникавшие многочисленные партии оказались очень мелкими и слабыми. Отсутствие организованного большинства в Верховном совете блокировало возможности и принятия новой Конституции, и других политических преобразований. Неудивительно, что популярность нового президента резко пошла на убыль, а сам Кравчук оказался под огнем всеобщей критики. В отличие от ряда своих коллег по СНГ он не мог ни подавить своих оппонентов силой, ни заключить с ними устойчивый союз.

---

¹¹⁷ *Offe C. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // Social Research. 1991. Vol. 58. N 4. P. 865–892.*

Расплата наступила на президентских выборах 1994 г., которые Кравчук оказался не способен ни отложить, ни сфальсифицировать: если Запад Украины вознаграждал его прежние шаги к независимости страны, то Восток отказал в доверии. Набрав 45% голосов, Кравчук уступил свой пост Леониду Кучме, но его политическая карьера продолжалась еще в течение двенадцати лет в составе Верховной рады. В атмосфере фракционной борьбы и партийных интриг экс-президент чувствовал себя как рыба в воде. В период «оранжевой революции» Кравчук, будучи лидером фракции объединенных социал-демократов, активно выступал на стороне Януковича, а в ходе парламентских выборов 2006 г. он вместе с бывшим главой администрации Кучмы Виктором Медведчуком возглавил оппозиционный блок «Не так!». Название, задуманное как противопоставление лозунгу «Так!» периода президентской кампании Виктор Ющенко, в реальности стало приговором самому блоку, набравшему всего 1% голосов избирателей.

Судьба Кравчука — посредственного аппаратчика, оказавшегося в нужное время в нужном месте, — оказалась не худшей среди постсоветских лидеров. Он был не способен на то, чтобы добиться успехов во главе украинского государства, но был достаточно осторожен (если не сказать труслив), чтобы не довести его до острых конфликтов с Россией или территориального распада, чего опасались многие наблюдатели в начале 1990-х гг. Время аппаратчиков в политике ушло быстро, но Кравчук не стал (да и не смог) замедлять его ход.

Некрепкий хозяйственник: Леонид Кучма

Леонид Кучма и как личность, и как политическая фигура был выходцем из среды «красных директоров» — успешных менеджеров советских государственных предприятий, оказавшихся востребованными в постсоветской политической жизни на фоне спада производства начала 1990-х гг. (к той же когорте относился и Виктор Черномырдин, как и Кучма, родившийся в 1938 г.). Успешные «красные директора» хорошо умели, во-первых, держать подчиненных в страхе — матерным криком, а иногда и кулаком, а во-вторых, вести неформальный торг и с плановыми органами, и с поставщиками. Но достижения советского прошлого не стали залогом успеха в постсоветских условиях: в экономике «красные директора» по большей части преуспели лишь в присвоении бывшей государственной собственности, а их лидерство в политике было

отмечено прежде всего неэффективностью и коррупцией. Не стало исключением и противоречивое наследие, оставленное Кучмой.

Кучма долгое время возглавлял крупнейшее предприятие Днепропетровска — оборонный завод «Южмаш», производивший межконтинентальные баллистические ракеты, в начале 1990-х гг. занял пост руководителя Союза промышленников и предпринимателей (аналога российского РСПП времен Аркадия Вольского). В этом качестве Кучма и стал премьер-министром Украины осенью 1992 г. Ни тогда, ни позднее он не обладал сколь-нибудь целостной системой экономических взглядов: программа Кучмы на посту премьера, а позднее — президента Украины была набором правильных деклараций, не предназначенных для воплощения в жизнь. Но вот в чем Кучма был последователен — это в своих представлениях об управлении страной как предприятием, где мастера подчинены начальникам участков, те — начальникам цехов, а последние — директору завода (в российском обиходе этот принцип известен как «вертикаль власти»). Став премьером, Кучма затребовал себе дополнительных полномочий и контроль над местными администрациями — но больших успехов не достиг. На президентских выборах 1994 г. он, стремясь привлечь голоса избирателей востока Украины, обещал крепить хозяйственные связи с Россией и придать русскому языку статус государственного. Но на деле русский язык при Кучме оказался вытеснен из официального обихода (включая систему образования), а связи с Россией отягощались долгами по оплате энергоносителей и несанкционированным отбором газа из проходивших по украинской территории трубопроводов (российские власти тогда просто закрывали глаза на то, что не сошло с рук «оранжевым» преемникам Кучмы).

С одной стороны, Кучма зарекомендовал себя жестким циником, готовым на физическое уничтожение противников. Он постоянно конфликтовал с Верховной радой, неоднократно грозился ее распустить и весной 2000 г., подобно Ельцину, даже пытался провести референдум по вопросу о досрочных перевыборах парламента. С другой стороны, благодаря постоянному лавированию между многочисленными конкурирующими партиями и региональными политико-экономическими кланами и успешной тактике «разделяй и властвуй» ему удавалось избегать лобовых столкновений и выходить сухим из воды. В отличие от «крепких хозяйственников» типа того же Черномырдина Кучма был достаточно гибок. Всякий раз, когда в стране назревал очередной кризис, то из-за провалов в экономике, то из-за обострения борьбы кланов, Кучма приносил в жертву очередной правительственный кабинет (за десять лет его

пребывания у власти в Украине сменилось семь премьер-министров) и оформлял очередную неформальную сделку о разделе власти с очередными младшими партнерами. Такая политика позволяла Украине не свалиться в пропасть авторитаризма, подобно некоторым соседям по СНГ, но не давала продвигаться по пути полноценной демократии.

«Момент истины» для Кучмы наступил незадолго до ухода на покой. Выбирая кандидата на пост преемника, он (как, впрочем, и Борис Ельцин в России) был более всего озабочен гарантиями личной безопасности и не слишком задумывался о политическом будущем Украины. Из всех вариантов Кучма предпочел худший: Виктор Янукович ни как личность, ни как политик не устраивал на посту президента Украины слишком многих, а беззастенчивые фальсификации в его пользу на президентских выборах спровоцировали массовый протест (возможно, будь на месте Януковича иной персонаж, «кучмизм» до сих пор процветал бы). Но осторожный Кучма не поддался на уговоры своих ближайших советников и не решился применить силу против «оранжевой революции»: подобное развитие событий при любом исходе создавало угрозу его собственной безопасности. Чувство самосохранения позволило Кучме встать над схваткой и пойти на компромисс, обеспечивший ему спокойную старость, а Украине — честную конкуренцию в третьем туре президентских выборов и последующую конституционную реформу. Кучме удалось не только перевернуть самые неприятные страницы его политической биографии, но и войти в историю Украины, да и всего СНГ: он стал первым политиком, победившим действующего президента на конкурентных выборах и при этом передавшим власть победившему на выборах представителю оппозиции. Если закрыть глаза на собственно деятельность Кучмы во время его президентства, его вполне можно было бы сравнить в этом плане с иными западными лидерами — будь то Миттеран или Клинтон. Но теперь время Кучмы истекло и физически, и политически: эпоха «красных директоров» в постсоветской политике ушла в прошлое.

Профессионал: Виктор Ющенко

Ющенко, как и его предшественники на посту украинского президента, не стремился к карьере публичного политика. Скорее он представляет собой пример профессионала высокой квалификации, оказавшегося в политике в силу обстоятельств. Ющенко не мог похвастать ярким ораторским талантом или организатор-

скими способностями (скорее на постах премьер-министра и президента он показал себя неважным администратором), за ним не стояли поддержка влиятельных бизнес-групп или собственные капиталы, да и о личной харизме Ющенко как лидера говорить не приходилось. В известном смысле он, как и ранее Кравчук и Кучма, оказался во главе государства волей случая — но отнюдь не случайно, что именно Ющенко был востребован в украинской политике в переломное время «оранжевой революции». Нечастое для постсоветского пространства сочетание его двух основных достоинств — высокой квалификации либерального экономиста и репутации профессионала (в смысле как его знаний и опыта, так и социального статуса), не причастного к коррупционным скандалам, постоянно сотрясавшим Украину, — разительно контрастировало с личностями иных персонажей украинской политики.

Виктор Ющенко родился в 1954 г. в Сумской области в семье сельских учителей, отслужил в армии, получил диплом экономиста и в 1986 г. перешел на работу в киевский филиал Агропромбанка, глава которого Вадим Гетман стал его политическим патроном. В годы перестройки, когда бывший филиал советского банка приобрел статус коммерческого и стал называться «Украина», Ющенко стал заместителем Гетмана. Тот, в свою очередь, в 1991 г. возглавил Национальный банк Украины, но в декабре 1993 г. вынужден был уйти в отставку, не выдержав конфликтов с президентом Кравчуком и премьер-министром Кучмой, требовавших увеличения денежной эмиссии. Ющенко стал преемником Гетмана в качестве главного банкира Украины, когда годовой уровень инфляции составлял, по самым скромным оценкам, 4735%: из посткоммунистических стран лишь Югославия в период войны имела худшие финансовые показатели.

Однако Ющенко удалось противостоять давлению и добиться снижения инфляции до 80,2% в 1996 и 15,9 — в 1997 г. В сентябре 1996 г. он смог провести денежную реформу, введя в оборот полноценную национальную валюту — гривну, курс которой оставался относительно стабильным, за исключением короткого периода сразу после финансового кризиса 1998 г., затронувшего и Украину. На фоне этих достижений главный банкир Украины оставался вне борьбы партий и политико-экономических кланов, что сделало его приемлемой фигурой в качестве главы правительства. После избрания Кучмы на второй срок осенью 1999 г. глава государства остро нуждался в премьер-министре, способном поправить дела в экономике страны и успешно вес-

ти нелегкие переговоры с МВФ. Ющенко казался именно таким «техническим» премьером, и в декабре 1999 г. он был утвержден Верховной радой на новом посту.

При правительстве Ющенко Украина впервые вступила на путь либеральных реформ в экономике. Бездефицитный бюджет, значительное снижение налоговой нагрузки при одновременном сокращении налоговых льгот, ликвидация унаследованной от СССР системы колхозов, запуск массовой приватизационной программы и, наконец, начало экономического роста (5,9% в 2000 и 9,2 — в 2001 г.) — вот лишь некоторые успехи его кабинета.¹¹⁸ По оценке Андерса Ослунда, реализация программы реформ только в 2000 г. принесла Украине \$4 млрд дохода (13% ее тогдашнего ВВП).¹¹⁹ Но как раз эти успехи и делали Ющенко опасным конкурентом Кучмы на фоне разгоравшегося «кассетного скандала» и протестов оппозиции. Хотя глава кабинета всячески сторонился политической борьбы, именно он пал ее жертвой.

Двадцать шестого апреля 2001 г. Верховная рада с подачи президентской администрации выразила вотум недоверия главе кабинета. По словам Ющенко, именно в этот день он принял решение вступить в борьбу за пост президента Украины.

Путь к президентскому креслу лежал через парламентские выборы 2002 г., в ходе которых вокруг Ющенко начала формироваться его политическая команда — блок «Наша Украина». Характерно, что в предвыборной программе и в выступлениях Ющенко отверг и радикализм, характерный для украинских националистов начала 1990-х гг. и явно отпугивавший русскоязычных избирателей, и популизм, присущий его будущей союзнице Тимошенко.

Козырями Ющенко были прагматизм и его достижения на посту премьера. Его блок получал финансовую поддержку со стороны части представителей нового бизнеса, вставших на ноги в постсоветскую эпоху без опоры на региональные политико-экономические кланы. Не обладая пресловутым «административным ресурсом», «Наша Украина» получила 23,6% голосов, обеспечив Ющенко хорошие позиции на старте президентских выборов 2004 г. Но для победы Ющенко одного этого шага было недостаточно. Союз с Тимошенко, заключенный летом 2004 г., позволил не только избежать конкуренции противников режима

¹¹⁸ Wilson A. A. Ukraine's Orange Revolution. P. 45–48.

¹¹⁹ Aslund A. Ukraine's Return to Economic Growth // Post-Soviet Geography and Economics. 2001. Vol. 42. N 5. P. 320.

Кучмы, но и самим фактом объединения оппозиции привлечь дополнительные голоса избирателей. При этом предвыборная тактика самого Ющенко оставалась весьма умеренной: он предпочитал переговоры и компромисс там, где радикалы во главе с Тимошенко были готовы во что бы то ни стало добиваться своего.

Однако переговоры чуть не стали для Ющенко роковыми. В сентябре 2004 г. во время делового ужина на даче заместителя главы службы безопасности Украины Ющенко был отравлен большой дозой диоксина: хотя курс лечения в австрийской клинике позволил избежать тяжелых последствий, лицо кандидата в президенты осталось обезображенным.¹²⁰ Но ни этот отчаянный шаг, ни беспрецедентные фальсификации итогов голосования не смогли помешать избранию Ющенко — скорее они стали катализаторами массового протеста, который привел к судебной отмене официальных итогов второго тура выборов и новому раунду голосования. Ющенко поддержал и проект конституционной реформы, которая перераспределяла часть президентских полномочий в пользу парламента, хотя его союзница Тимошенко возражала против этого компромисса.

В конце концов, 26 декабря 2004 г., получив 52% голосов избирателей, Ющенко был избран третьим президентом Украины.

Как это нередко бывает, триумфатор «оранжевой революции» оказался куда менее успешным главой государства. Наследство, оставленное Кучмой, было отягощено также и необходимостью вознаграждать союзников постами в органах власти. В преддверии парламентских выборов 2006 г. среди недавних оппозиционеров начался новый раунд борьбы за власть. Ющенко вынужден был искать новые компромиссы, пытаясь оставаться над схваткой. Лишь когда конфликты зашли слишком далеко, а ситуация в экономике резко ухудшилась, он прибег к «китайской ничьей», отправив в отставку все правительство во главе с Тимошенко. Новому премьеру Еханурову было доверено и лидерство в предвыборном списке «Нашей Украины»: сам Ющенко предпочел держаться в стороне от парламентской кампании, оставляя пространство для маневра. Неудачи правительства в итоге нанесли удар не по отправленной в отставку Тимошенко, а по самому президенту: «Наша Украина» получила лишь 14% голосов, вынужденно согласившись на подчиненную роль в новой правительственной коалиции. Впрочем,

¹²⁰ Wilson A. Ukraine's Orange Revolution. P. 96–104.

и Ющенко придется теперь привыкать к новой роли главы государства, чьи полномочия оказались урезаны. С одной стороны, его опыт и авторитет в этих условиях могут сыграть неоценимую роль на фоне острых конфликтов в Верховной раде и за ее пределами. С другой стороны, президент, не имея рычагов воздействия на правительство и парламент, может не справиться с ролью арбитра и миротворца и в конечном итоге оказаться заложником неудач кабинета министров. Удастся ли Ющенко — профессионалу во главе государства — сохранить демократические институты, избежав кризиса в управлении страной, и есть ли вообще место для профессионалов в постсоветской политике — покажет ближайшее будущее.

Бизнес-леди: Юлия Тимошенко

Пожалуй, немногие деятели постсоветской эпохи в бывшем СССР вызвали столь противоречивые оценки, как Юлия Тимошенко — самая известная женщина-политик на пространстве СНГ. Сочетание яркой внешности, популизма, жесткого расчета, демонстративной решительности и скандальной репутации неизбежно привлекает большое внимание: для Тимошенко этот «коктейль» стал рецептом политического успеха, продолжающегося и после «оранжевой революции».

Юлия Григян родилась в 1960 г. в Днепропетровске, в 19 лет вышла замуж за Александра Тимошенко, сына партийного работника. Сменив фамилию, она сделала первый шаг в карьере по комсомольской линии. В 1988 г. Тимошенко, подобно многим своим тогдашним коллегам, возглавила днепропетровский молодежный центр «Терминал», кооператив под «крышей» комсомола (примерно так же начинал свою предпринимательскую деятельность и Михаил Ходорковский). Вскоре бизнес Тимошенко расширился, охватив новые сферы, а сама Юлия нашла влиятельного патрона в лице главы местного Агропрома, будущего премьер-министра Украины Павла Лазаренко (любопытно, что одним из ее бизнес-партнеров той поры был Виктор Пинчук, позднее — зять Леонида Кучмы). В 1995 г. Тимошенко стала генеральным директором компании «Единые энергетические системы Украины», получившей благодаря своим связям в правительстве эксклюзивные контракты на поставку энергоносителей в восточные и южные регионы Украины. По некоторым оценкам, в бытность Лазаренко премьер-министром страны (1996–

1997 г.) компания получила от 10 до \$11 млрд доходов, уплатив при этом лишь \$11 тыс. налогов.¹²¹ Однако летом 1997 г. Лазаренко был отправлен в отставку, и над головой Тимошенко начали сгущаться тучи: вскоре было возбуждено уголовное дело по обвинению в неуплате налогов, а контракты перешли к конкурентам. Тимошенко спасла депутатская неприкосновенность, и осенью 1997 г. она победила на довыборах в Верховную раду, выплатив пенсии и долги по зарплате избирателям округа: бизнес-леди стала политиком.

Вскоре «Леди Ю» вошла в руководство объединения «Громада», которое под патронажем Лазаренко прошло в Раду на выборах 1998 г. Однако незадолго до ареста Лазаренко в Швейцарии Тимошенко покинула «Громаду» и возглавила новую партию «Батькивщина», создав в парламенте собственную фракцию, вступала в альянсы с самыми разными политическими силами и разрывала их. Войдя в правительство Ющенко в качестве вице-премьера, Тимошенко нажила себе немало врагов в украинской политике и в бизнесе, результатом чего стали очередные обвинения в коррупции и возбужденные против «Леди Ю» уголовные дела. Такого рода «разборки» внутри элиты были для Украины обычными, но лишь Тимошенко смогла нажать на них политический капитал, используя для самозащиты талант публичного политика. Сразу после отставки в январе 2001 г. Тимошенко присоединилась к массовым акциям протеста «Украина без Кучмы», объединив как левых, так и националистов под «крышей» организованного ею Форума национального спасения. Последовавший вслед за этим арест Тимошенко превратил ее дело в политическое. Оппозиция потребовала освобождения Юлии, а после выхода из тюрьмы Тимошенко стала лидером, вокруг которого объединились радикальные противники Кучмы как слева, так и справа. На парламентских выборах 2002 г. «Блок Юлии Тимошенко», отличавшийся весьма размытыми идейными ориентирами, собрал 7,3% голосов. Этого было достаточно, чтобы пройти в Раду, но недостаточно для того, чтобы претендовать на лидерство в стане оппозиции. Тимошенко пришлось уступить пальму первенства Ющенко и отказаться от претензий на пост президента в ходе выборов 2004 г. ради победы над общим врагом.

Ораторский талант и кипучая энергия Тимошенко сыграли немалую роль в мобилизации протеста в ходе «оранжевой революции»: в своих многочисленных выступлениях она призывала

¹²¹ Wilson A. Ukraine's Orange Revolution. P. 20.

к захвату правительственных зданий, наводя страх на правительство и Кучму (в действительности здания были лишь окружены протестующими).

Именно Юлия стала «лицом» Майдана Незалежности в течение нескольких недель массовых акций. И хотя главный приз — пост президента — достался не ей, а Ющенко, тот не мог возражать против назначения своей ближайшей соратницы на пост главы кабинета; в состав правительства вошел и ряд деятелей из окружения Тимошенко. Но на новом посту она скорее проявила те качества, которые были уместны на Майдане, но не в кабинете министров: она вела себя, по замечанию одного из наблюдателей, «как большевик в юбке».¹²² С одной стороны, Тимошенко (чья популярность в ходе «оранжевой революции» заметно выросла) видела во главе коалиции победителей себя, а не Ющенко.

С другой стороны, на посту премьера ей совсем не улыбалось возлагать на себя ответственность за непопулярные реформы, тем более в преддверии выборов в Раду в 2006 г. Начатая ею кампания по реприватизации ряда крупных предприятий, многие из которых при Кучме ушли за бесценок в руки «придворных» олигархов, была прежде всего популистским предвыборным шагом. По мере того как рейтинг Тимошенко рос, темпы роста украинской экономики падали, коалицию победителей раздирали новые конфликты, сопровождавшиеся взаимными обвинениями в коррупции. В сентябре 2005 г. терпение Ющенко иссякло и после серии неудачных попыток найти общий язык с вчерашними союзниками весь кабинет во главе с Тимошенко был отправлен в отставку. Но вновь, как и прежде, «Леди Ю» смогла извлечь выгоду из своего поражения, представив себя радетьельницей о благе страны, ставшей жертвой политических интриг. Ее блок получил на выборах в Раду более 22% голосов, заметно опередив «Нашу Украину», подтвердив тем самым обоснованность претензий Тимошенко на политическое лидерство.

Трудно сказать, как сложится дальнейшая политическая судьба Тимошенко и какой курс она станет проводить на посту или облеченного новой властью премьер-министра или, вполне возможно, в будущем и президента Украины. Вполне возможно, что ее взгляды, команда, союзники и противники изменятся еще не раз. Возможно также, что гламурный имидж Тимошенко не только не поблекнет, но и заиграет новыми красками, а сама

¹²² *Wilson A. Ukraine's Orange Revolution. P. 160.*

Юлия продолжит получать прибыль благодаря массовой поддержке своих новых политических и/или бизнес-проектов. Но трудно сказать, принесет ли она Украине экономическое процветание и политическую стабильность: успешные разрушительницы редко становятся созидательницами, как в повседневной жизни, так и в политике.